Демоны ночи

Автор:
Алексей Атеев

Демоны ночи

Алексей Григорьевич Атеев

Кровь прошедших веков с рук не смывается. Благополучный бизнесмен зарезал жену, потом себя. Незаметный, ничем не выделяющийся среди сверстников школьник зверски убил родителей, бабушку и дедушку, а потом кинулся вниз с крыши своего дома. Самые обыкновенные люди совершают чудовищные убийства и самоубийства, причину которых никто объяснить не может. Но пытаются.

Благодаря случайности, молодой московский журналист Павел Мерзлов уцепился за кончик кошмарной нити. А когда начал разматывать клубок, понял – его участие в этом деле тоже предопределено неведомой злой волей. Ведь в прошлых реинкарнациях он был палачом…

Алексей АТЕЕВ

Демоны ночи

«Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

Апостол Павел «Послание к Ефесянам», 6.12

Он проснулся от внезапного толчка, словно некая сила подняла и встряхнула его. Встряхнула мягко, но весьма ощутимо. Так, что все внутренние органы на мгновение сместились: желудок подскочил к самому горлу, а сердце, напротив, ухнуло далеко вниз.

Некоторое время он лежал без движения, прислушиваясь к своим ощущениям. Ничего не болело. Только испарина обильно покрыла лоб и шею, да подушка стала мокрой. Что это такое? Очевидно, дурной сон. Какие-то неясные обрывки мелькали в потревоженном сознании… Впрочем, ничего конкретного.

«Бывает, – подумал он, открывая глаза. – Лежал в неудобном положении, вот и посетил кошмар».

В спальне было темно и душно. За окном потихоньку начинало светать. Взгляд упал на часы. Крупные светящиеся цифры показывали, что до обычного пробуждения еще минут сорок. Рядом похрапывала жена. Он скосил глаза в ее сторону. Ей, видать, тоже жарко. Одеяло сбилось в сторону, ночная рубашка задралась, раскинутые ноги смутно белеют во мраке… Возникло желание. Он провел ладонью по внутренней стороне ее бедра, поднялся выше, залез под край трусиков…

Жена дернулась, словно в испуге, напряглась, резко сомкнула бедра, но тут же расслабилась, обмякла…

– Ох, – чуть слышно произнесла она, – это ты…

– А ты кого ждала? – насмешливо спросил он.

Она придвинулась к нему, сладко засопела, лизнула в ухо… Минут десять они предавались любви, потом он встал, а жена провела скомканными трусиками между ног и повернулась на бок.

Он подошел к окну и долго стоял возле него, вглядываясь в утренние сумерки. В доме напротив зажигались все новые окна, во дворе запищала сигнализация, захлопали дверцы автомобилей. Открыл форточку. Ледяной порыв ветра проник в комнату.

– Закрой, – сонно произнесла жена.

В ванной, стоя перед зеркалом, он намылил одну щеку и вдруг замер, пораженный. Из зеркала на него взирал совершенно чужой человек: немолодой субъект с торчащими в разные стороны жидкими волосиками неопределенного мышиного цвета, с набрякшими мешками под глазами и хмурой, потасканной физиономией.

– Н-да! – произнес он вслух и стал намыливать другую щеку.

Закончив водные процедуры, он зашел на кухню и включил чайник. Пока грелась вода, стал готовить завтрак. Достал получерствую булку, отрезал пару ломтей, достал из холодильника масленку, вареную колбасу, присел на табурет… Но бутерброды так и остались не приготовлены. Он глубоко задумался и не обратил внимания на щелчок выключившегося чайника. Опершись подбородком на ладони, он сидел не меньше получаса, потом медленно поднялся и, словно во сне, опять поплелся в ванную. Там он открыл белый пластиковый шкафчик, в котором хранилась разная ерунда: засохшая косметика, полупустые пузырьки с лекарствами, спринцовка, старые зубные щетки… Порывшись в хламе, нашел длинную плоскую коробочку, открыл ее и достал опасную бритву с пожелтевшей костяной ручкой. Сам он никогда не пользовался этим зловещим предметом. Бритва досталась ему от отца и много лет валялась без дела. Когда она попадалась ему на глаза, он каждый раз думал, что нужно бы выбросить эту дрянь, но почему-то не делал этого. Не то чтобы забывал, просто тотчас в памяти возникал отец, его угрюмый, недобрый взгляд. Раз он, еще в отрочестве, уволок бритву во двор. Ощущая ее в кармане, он чувствовал себя настоящим мужчиной.

– Классная мойка, – увидев бритву, заметил дворовый авторитет Сява. – Кого хошь пописать можно. Поканали к «Ударнику» каких-нибудь фраеров зацепим.

Дома отсутствие бритвы было немедленно обнаружено, и ему крепко влетело. Папаша лупцевал по тощим ягодицам тем же офицерским ремнем, на котором правил эту самую бритву. Давно это было…

Он провел сверкающим, без единого пятнышка ржавчины лезвием по большому пальцу левой ладони и тут же отдернул руку. На подушечке появился глубокий порез, из которого брызнула кровь. Он сунул палец под холодную струю и

равнодушно смотрел, как алая кровь, смешиваясь с водой, приобретает розовато-ржавый цвет. Скоро кровотечение утихло, но он продолжал держать руку под струей и только после того, как ладонь совсем онемела, закрыл воду. Края ранки разошлись, внутри чернела запекшаяся кровь, напоминая… напоминая…

Держа бритву в руке, он вернулся в спальню. Взглянул на дремлющую жену. Все тот же соблазнительный вид. На сливочные ягодицы упал первый солнечный луч. Специально, что ли, она возлежит в подобной позе? Вдруг снова возникла эрекция. Он отшвырнул бритву и бросился к кровати.

– Ты чего? – распахнув глаза, изумленно спросила жена. Но в данную минуту было не до объяснений.

Жену тоже забрало. Она неистово извивалась под ним, бормотала что-то нечленораздельное, охала, даже гортанно верещала. Давненько он не слышал подобных звуков. И сам он вел себя куда как энергичнее, чем обычно. Мгновение острейшего блаженства, и сладкая истома разлилась по всему телу.

– Н-да… – произнесла жена. – Однако! – В ее голосе одновременно слышалось удивление и удовлетворение. – Ты что же, виагру принимаешь?

Он ничего не ответил. Лежал рядом; дыхание постепенно приходило в норму. Неожиданно ладонь нащупала валявшуюся на кровати бритву. Он открыл лезвие…

ГЛАВА 1

Репортер уголовной хроники газеты «Курьер-экспресс» Павел Мерзлов, невысокий, круглолицый, упитанный юноша лет двадцати, крутился возле подъезда, из которого пятнадцать минут назад хмурые мужички вынесли на носилках два длинных предмета, упакованных в черные пластиковые мешки. Телевизионщики и коллеги из других изданий уже укатили. У подъезда остался только милицейский транспорт. Но с работниками правоохранительных органов он уже пообщался. Собственно, и говорить-то особо не о чем. Все было и так

очевидно. Бизнесмен средней руки прикончил супругу, даму бальзаковского возраста, а потом перерезал себе горло. Случай хотя и неординарный, однако вполне в духе времени.

– Еще один сгорел на работе, – с равнодушной насмешкой произнесла пишущая дамочка из довольно известного издания, коллега по творческому цеху криминальных репортеров. – Обожрался лотоса. Оно и понятно. Сегодня ты, а завтра я… Или наоборот – что не меняет сути дела. Тяжело быть богатым человеком в наше смутное время. О! И заголовок готов – «Обожрался лотоса»! Нет, не поймут. О’Генри нынче подзабыт. Лучше – «Обожрался лобстеров».

И, хихикнув, она унеслась в редакцию. Павлу тоже было пора возвращаться в контору, чтобы вовремя отписать информацию, однако он почему-то медлил. Профессиональный опыт, пусть и небольшой, подсказывал – из этого происшествия можно сделать нечто большее, чем заметка в тридцать строк для колонки уголовной хроники. Почему, скажем, человек, у которого все есть, ни с того ни с сего кончает счеты с жизнью, да еще таким ужасным способом. Зарезал жену… Павел вспомнил только что виденное – залитое кровью обнаженное тело на просторной кровати. Зачем? Изменяла?.. Ну и что. Из-за этого не убивают… Во всяком случае, в подобных кругах. Может быть, проблемы с бизнесом? Наезды там разные?.. Налоговая одолела?..

Тут его размышления прервали громкие возгласы. Он оглянулся. Чуть поодаль оживленно обсуждали события десятка два женщин разного возраста. Павел приблизился к толпе.

– Кровищи-то, кровищи! – громко восклицала немолодая татарка, похоже, дворничиха. – Ее всю располосовал!

– Изверг! – подтвердила старушка интеллигентного вида. – Все они таковы, эти новорусские богатеи.

– И за что ее так-то?

– Кто знает…

Павел подошел, представился. На него взглянули без особого интереса.

– Писака, – услышал он чей-то негромкий насмешливый возглас.

– А скажите, они вели себя как? Между собой ругались? – поинтересовался репортер, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А кто их знает, – отозвалась интеллигентная старушка. – Приедут, уедут… Постоянно тут не обитали. Квартира-то ему от отца досталась. Ремонт, конечно, сделал. А так у них дом есть. В доме больше жили. А вообще он тут вырос. Во дворе нашем. Спокойный мальчик был, не хулиган какой-нибудь, тихоня.

– Баловства за ним не замечалось, – добавила дворничиха. – Как-то все бочком, бочком… Не заметили, как вырос, а потом и постарел.

– А жена у него кто была? – не отставал Павел.

– Приятная дамочка, царство ей небесное, – сообщила старушка. – Брюнеточка, небольшого росточка. Что называется, пикантная. Говорили, вроде педагог по специальности. Только в школе она не работала.

– А где же?

– Вот уж не знаю. Скорее всего – нигде. Надобности не было. Денег у них и без того хватало.

– Он чем занимался?

– Известно чем. Махинациями! От них и все беды. – Старушка поджала губы, давая понять, что разговор окончен. Остальные тоже потеряли к Павлу интерес.

В переполненном троллейбусе его прижали так, что невозможно было пошевелиться. За окном бесконечный поток машин медленно катил по слякотным улицам неведомо куда. Причем у каждого сидящего в жестяной коробочке на резиновых колесиках неотложное дело. Попробуй не реши его – мир рухнет. Не весь мир, конечно, крошечный мирок, заключающий в себе одну конкретную личность. А если даже и не рухнет, то на его защитной сфере появится еще одна трещина…

На встречную полосу выскочил какой-то умник на сером «Фольксвагене», решивший сэкономить время, и его тут же зацепил встречный «Ниссан». Водители выскочили и принялись яростно материть друг друга. Движение и вовсе застопорилось.

Мысли Павла вернулись к недавнему происшествию. Почему все-таки этот мужик зарезал сначала жену, а потом себя? Милиция ничего толком не сообщила, соседи тоже. О чем же писать? Впрочем, подробностей от него и не ждут. Газете нужна лишь краткая информация. В тридцать строчек он, несомненно, уложится.

В редакции Мерзлов работал совсем недавно, каких-нибудь три месяца, но усвоил несколько истин. Во-первых: чем свежее информация, тем охотнее ее публикуют, однако на информациях, пусть даже самых оперативных, имени не заработаешь. Тебя будет хвалить ответственный секретарь, а возможно, даже и редактор, но славы и, соответственно, гонораров тебе это не прибавит. Репортеров на свете много. Сгорит один, на его место тут же найдут нового. Для признания и тем более славы нужны серьезные аналитические материалы, на худой конец, проблемные, критические репортажи.

Криминальные материалы, кроме него, в «Курьере» кропал еще один журналист, весьма немолодой и вечно полупьяный Юрий Скуратов, известный среди редакционного народа под прозвищем Поручик Голицын. Прозвище объяснялось вовсе не аристократическим происхождением означенного субъекта, а тем, что при ходьбе тот всегда плотно прижимал руку к левой стороне пиджака или плаща, в зависимости от погоды. В отличие от офицеров царской армии, придерживающих подобным образом шашку, Поручик Голицын маскировал постоянно наличествующую в кармане бутылку. Кроме того, он обладал высоким ростом, военной выправкой и пшеничного цвета усами, изредка лихо подкрученными, но обычно удрученно повисшими, чаще всего с похмелья.

Когда Павел вошел в кабинет, Поручик Голицын работал. Творил он не на компьютере, как большинство сотрудников, и даже не на машинке, а на длинных узких листах бумаги. Почерк у него был крайне неразборчив, что служило причиной постоянных пререканий с машинистками, вынужденными то и дело уточнять смысл текста. Поручик Голицын был человеком добродушным, к Павлу он относился весьма доброжелательно, не видя в нем серьезного конкурента, и даже взял на себя некие наставнические функции.

В кабинете донельзя накурено. Поручик предпочитал дешевые вонючие сигареты без фильтра, невероятной крепости. При появлении Павла он поднял голову, при этом рука его продолжала выводить каракули на бумаге.

– Как дела, Пашеко[1 - Пашеко (правильно Пачеко) – персонаж романа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе».]? – спросил Поручик.

– Так себе, – отозвался Павел.

– Где был?

Наш герой вкратце поведал о своих похождениях.

– Тут тебя ответсек спрашивал, – сообщил Поручик Голицын. – Зайди к нему.

Павел поплелся в секретариат.

– В течение часа ждем информацию об этом происшествии, – небрежно бросил ответственный секретарь, отвлекаясь от чтения материала. – Ты ему место оставила? – спросил он у выпускающей. – Так что давай, Паша, пошустрее. В номере дыра. С тебя тридцать строк… нет, пятьдесят.

Павел вернулся в кабинет, включил компьютер и задумался, не зная, с чего начать.

– В номер отписываешь? – поинтересовался Поручик. – Тогда чего сидишь? Начать не знаешь как? Тоже проблема. Ну-ка, в двух словах, о чем речь? Ясно-понятно. Пиши: «Очередная кровавая драма произошла сегодня…» Где произошла? Вот и пиши: «в одном из переулков в районе Таганской площади». Теперь расскажи о самом преступлении, да не жалей красной и черной красок. «Лужи крови, искаженное ужасом лицо жертвы…» Дальше вопрос: «Что стало его причиной? Следствие, конечно, разберется, однако, думается, данные события – результат общей социальной нестабильности в государстве…» Убийца этот кто? Ага, предприниматель… Замечательно! Добавь пару предложений о сложной экономической и политической обстановке. Ну, там: «Идет передел собственности… борьба криминальных кланов…»

Жаль, что ты не знаешь, чем он занимался. Также можешь добавить: «по непроверенным данным…». – Он надолго замолчал.

– Что «по непроверенным данным»? – наконец не выдержал Павел.

Поручик Голицын полез в стол и за приоткрытой дверцей стал проделывать непонятные манипуляции. Впрочем, очень даже понятные. Звякнуло стекло. Поручик, словно фокусник, молниеносно извлек стакан и одним махом проглотил его содержимое.

– Нетерпелив ты, Павлик, – отдышавшись, укоризненно проговорил он. – Пиши, дорогой, что хочешь. Я и так за тебя заметку, считай, сочинил. Скажем, можно закончить ее так: «По непроверенным данным, убийца, он же самоубийца, принадлежал к солнцевской преступной группировке».

– С чего вы взяли? – опешил Павел.

– А почему нет? Нынче все на солнцевских валят. Ну, напиши «таганские»… Или на азеров свали. Какая кому разница. А пока, не в службу, а в дружбу, пойди отдай на машинку мой материал.

Павел взял исписанные вкривь и вкось листы и пошел в машбюро. Машинистка горестно хмыкнула, увидев творение Поручика Голицына.

– Сам-то Юрка уже заходить боится, – только и сказала она. – Курьера себе завел…

Павел вернулся в кабинет и сел за компьютер. Странное дело, если раньше в голове был сплошной туман, то теперь благодаря подсказкам Поручика Голицына заметка выстраивалась как нельзя лучше.

– Одни штампы, – раздраженно произнес ответственный секретарь, вчитываясь в ее содержание. – Чувствуется стилистика Скуратова. Ничему хорошему он тебя не научит.

Павел смущенно опустил голову. Ответсек, конечно, прав, однако информация все же была принята.

– Ну что, поставили в номер? – поинтересовался Поручик Голицын. Павел кивнул. – С тебя бутылка, – спокойно сообщил Поручик Голицын.

– С какой стати? – изумился Павел.

– Да как же… Ты, считай, под мою диктовку ее написал.

– И Дормидонтов это заметил, – сказал Павел, имея в виду секретаря. – Одни, говорит, штампы, как у Скуратова. Не тот, мол, опыт перенимаешь…

– Ты, Пашеко, меньше слушай этого Дормидонтова, – пренебрежительно заметил Поручик Голицын. – Сам-то он писать не умеет, зато других учить любит. Тот еще деятель. Штампы ему не нравятся!

– А вот это убийство… Что вы о нем думаете? – спросил Павел, решив отвлечь наставника от скользкой темы.

– Какое убийство… Ах, это… Про которое ты писал… Чего о нем думать. Обычное дело. Довольно часто подобные вещи случаются. Пришел мужик не вовремя домой, а на супружеском ложе с бабой его кувыркается другой… Он, конечно, в расстройстве чувств хватает первое, что подвернулось под руку… А потом, продолжая пребывать в состоянии аффекта, и с собой кончает. Идиот, одно слово!

– Не было там никого другого.

– Откуда ты знаешь?

– Следователь сказал.

– Ну и что? Сегодня не было, а вчера был. Ты же сам писал: время, мол, тяжелое. Так и есть. Пришел домой накрученный, а тут супруга зудит: хочу, мол, еще одну шубу или кольцо с брюликом. Да мало ли… Подобный же случай произошел полгода назад… вроде в Митине, а может, в Бирюлеве. Не помню точно. Явился один детина с работы. Жена перед ним ставит тарелку супу, лапши куриной. А он: «Не буду лапшу. Я борщ сварить просил. А куру есть не желаю». А она тоже заведенная: «Вот еще фокусы!..» И прямо по Чехову его кроет: «Лопай, что

дают!..» Конечно, слово за слово… Разгорелся скандал. Она ему: ты, мол, такой-сякой… и денег мало домой приносишь. Наверное, на бл. ей тратишь?! Да ты сама – бл…! Ах, я – бл…! А ты – импотент! Он хватает молоток и бац ей в лоб. Тут теща на кухню врывается. «Ты что же, мерзавец, делаешь! Ты же дочку мою дорогую убил!!!» Он и тещу угостил. Потом опомнился. Видит, кухня кровью залита. На полу два тела… Долго раздумывать не стал. Тут же, на кухне, и вздернулся. Шнур оторвал от утюга, сделал петлю – и привет. А эти бабы потом очнулись; сначала теща, потом жена… Лбы крепки оказались. Добротной среднерусской выделки. Глаза протерли – а он висит. Можешь себе представить: из-за тарелки супа. Да таких случаев – пруд пруди.

Павел пожал плечами, но промолчал. Снова в глубинах Поручикова стола звякнуло стекло.

– Лет двадцать назад, когда я был помоложе, – вновь заговорил Поручик Голицын, – у меня тоже возникали подобные вопросы. Как это: человек живет себе, поживает – и вдруг ни с того ни с сего лезет в петлю или стреляется из допотопного обреза, а то прыгает вниз с крыши многоэтажки? Очерк хотел написать социальный. Материал начал собирать. Прелюбопытные факты, между прочим, нарыл. Перед тем как начать над материалом работать, отправился к редактору… Посоветоваться. Тот на меня смотрит, как на невиданное насекомое. Ты, говорит, Скуратов, сдурел? Кто же на такие темы пишет? Только болваны! Так и сказал: «болваны». Запомни, в нашей стране нет подобной проблемы. Это на загнивающем Западе от безысходности и нищеты люди кончают с собой, а у нас подобных явлений не наблюдается. Если и есть единичные факты пренебрежительного отношения к собственной жизни, то они – вовсе не повод для написания материала. И редактор тот давно помер, и я постарел, а разговор тот помню, точно он вчера состоялся.

– Так это когда было, – заметил Павел. – А сейчас почему не напишете?

– Я думаю, и сегодня подобный материал, если он, конечно, будет сделан на совесть, тоже не опубликуют.

– Почему это?

– Вот что, дорогой Пашеко, ставь литр, я тебе еще кое-что расскажу и фактуру… ту старую… отдам. Можешь писать. Я же понимаю, ты желаешь сделать себе

имя. Вот и дерзай. А моя тема – расчлененный труп, найденный в мусорном баке, или новая жертва маньяка из Тропарева. Падалью, одним словом, питаюсь. Так, знаешь ли, спокойнее.

Павел был заинтригован. Хотя скорее всего его просто дурачат в предвкушении даровой выпивки. Однако почему бы и не поддаться на провокацию, материальные и моральные жертвы не слишком велики.

– Вы мне, Юрий Николаевич, хоть намекните: в чем суть?

– Только после посещения гастронома, – лукаво ответствовал Поручик Голицын.

– Хорошо, я согласен.

Когда они вышли из редакции, уже начинало темнеть. Короткий осенний денек превратился в столь же унылый вечер. Моросил противный мелкий дождь, то и дело переходивший в мокрый снег. Скуратов жил в районе Краснохолмской набережной. На метро доехали до «Таганской», потом пересели на автобус. Еще две остановки, и они почти на месте. Дорогой почти не разговаривали.

– Вон гастроном, – указал Поручик Голицын.

– Закуски, наверное, нужно купить, – сообразил Павел.

– Можешь, если есть хочешь.

– А вы разве нет?

– Не особенно. Я вообще ем мало. Алкоголь, знаешь ли, весьма калориен.

Павел, однако, все же купил, кроме двух бутылок, кое-какие продукты: батон хлеба, вареной колбасы, банку рыбных консервов. Сам он пил мало, водку не любил, предпочитая пиво. Поэтому прихватил пару «Балтики № 9» и пакет сушеных кальмаров.

Дом, в котором обитал Поручик Голицын, хрущевская пятиэтажка, стоял почти на берегу Москвы-реки. Поднялись на четвертый этаж. Хозяин открыл дверь квартиры, впустил Павла. Потом вошел сам.

– Тесновато у нас, – словно извиняясь, сообщил он. Действительно, в крошечном коридорчике развернуться двоим не было никакой возможности.

– Шагай на кухню, – скомандовал Поручик, когда Павел разделся. – Садись. – Он придвинул гостю табурет, а сам принялся нарезать хлеб. Потом достал из холодильника банку с кислой капустой, нашинковал луковицу и, переложив капусту и лук в объемистую чашку, полил все это подсолнечным маслом. – Витамины, – пояснил он Павлу. – Самая ко времени еда. А что колбаса?.. Соя пополам с сомнительного качества фаршем и прогорклым салом. Или вот консервы эти… – Он прочитал название: – «Лещ в томатном соусе». В томате любая рыба на вкус одинакова, что килька, что осетрина. Одна изжога, короче. Ну да ладно. Выпьем, коллега, – Поручик Голицын наполнил две объемистые рюмки, – так сказать, за тесное сотрудничество.

– Я – пиво, – сообщил Павел.

– Дело хозяйское, – охотно согласился Юрий Николаевич, одним глотком опорожнил свою рюмку и тут же смачно захрустел капустой. – Супруга моя, Людмилочка, классную капустку делает, – прожевав, сообщил он. – С чесночком, морковочкой и хренком. Объедение! Ты, Пашеко, попробуй.

«Так он в момент одуреет, – кумекал Павел. – Тем паче в конторе принял. Нужно бы форсировать беседу».

– Я ведь к вам, Юрий Николаевич, не просто в гости зашел, – заговорил он.

– А для чего? – словно не понимая, осклабился хозяин, показывая гнилые прокуренные зубы.

– Уговор забыли? Вы мне желали что-то рассказать.

– А?.. Да… Припоминаю. Ну, давай еще по одной.

Павел отхлебнул тепловатого пива, потом поднялся и, не глядя на хозяина, направился к входной двери.

– Ты куда? – удивился Поручик Голицын.

– Домой, естественно. Водку я с вами пить не желаю. Да и вообще… Некрасиво себя ведете.

– Ты меня, Пашеко, не упрекай. Молод еще! Иди-ка сюда и садись… Я чего-то позабыл, о чем мы толковали.

Павел решил пойти на попятную. Возможно, у этого алкоголика действительно не все в порядке с памятью. Он вернулся к столу и опустился на табурет.

– Так о чем мы толковали?

– Вы собирались мне рассказать о ваших изысканиях в отношении самоубийц.

– Ах да. Вспомнил! Изыскания, говоришь… Вот-вот. Было дело. Давно, правда. Короче, решил я написать социальный очерк…

– Уже слышали, – невежливо перебил Павел. – Дальше.

– Тема в те времена была закрытая, и я, конечно, об этом знал.

– Зачем же вы тогда за нее взялись?

– Молод был, самонадеян. Вроде вас, нынешних. Только сегодня вроде как все можно, а тогда – ни-ни! Только с разрешения начальства. А начальство само бздело каждого чиха, направленного не в ту сторону. В те поры как раз начали генсеки копыта отбрасывать. То один помре, то другой… Казалось, смутные времена наступают, да, собственно, так оно и было. А тут я со своими висельниками… Не ко времени пришелся. Словом, работа была проделана громадная, но бесполезная.

Поручик Голицын замолчал, налил себе и, не чокаясь, выпил. Лицо его помрачнело, глаза увлажнились, по плохо выбритой щеке скатилась одинокая

слеза.

– Ах, молодость, – произнес он с пьяным пафосом, – где ты?! Куда, куда ушли золотые денечки?!

Павел уже понял, что несчастного нужно постоянно направлять в нужное русло. Поэтому он довольно строго взглянул на пьяненького коллегу и твердым тоном спросил:

– Чего же такого необычного вы накопали?

– Необычного? Ну, конечно… Было необычное, было!.. Я изучил и проанализировал более ста случаев, так сказать… э… суицида. И понимаешь ли… Пришел к весьма странному выводу… – Поручик Голицын громко икнул. Тут до нашего героя дошло: разговор, по-видимому, сегодня уже не получится.

В этот момент щелкнул замок открываемой двери, она распахнулась, и на пороге возникла крупная, немолодая женщина с хмурым лицом.

– Ага, пьете! – вместо приветствия грозно воскликнула она. – Все пьете и пьете… Кого это ты, Юрка, на этот раз притащил? – Она сердито взглянула на поднявшегося с табурета Павла. – С пацанами уже водку лакаешь!

– Не горячись, Людмилушка, – заискивающе произнес Поручик Голицын. – Это мой коллега и… э… подопечный, молодой, но весьма талантливый журналист Павел Мерз… а… э… ликин.

– Мерзлов, – поправил наш герой.

– Да, Мерзлов. Я тебе, Людмилочка, про него уже рассказывал.

– Подопечный, значит. – Женщина с грозным видом оглядела Павла, потом перевела взгляд на своего суженого. – А ты, выходит, наставник. Чему же ты учишь этого пацана? Водку пить?!

– Я, Людмилочка, хотел рассказать ему о своих давних изысканиях, – залебезил Поручик Голицын. – Про самоубийц…

– Так-так. Значит, для этого ты привел его в наш дом? Понятненько. А водку кто покупал? Наверное, он? Ты – грязный вымогатель и алкаш!

– Людка, замолчи! – яростно воскликнул Поручик Голицын.

– Молодой человек, отправляйтесь-ка домой, – не обращая внимания на реплику мужа, заявила Людмилочка. – Время уже позднее.

Павел и сам желал лишь одного – как бы поскорее отсюда смыться.

– Погоди, Пашеко! – воскликнул Поручик Голицын. – Мы же еще не договорили… Главного-то я тебе и не сообщил.

– Завтра в конторе сообщишь, – веско заметила суровая супруга.

– Завтра, может, поздно будет… Погоди, погоди… Да исчезни ты, Людка! Какого хрена под ногами путаешься… Постой, Пашеко. Я тебе папку дам… С записями. С возвратом, конечно. Почитаешь на досуге. Там почти вся фактура. Без выводов, конечно… Но общую картину можно уяснить…

– Да че ты парнишку затрахал. Дай ему одеться, – лицемерно негодовала мадам Скуратова.

– Скройся с глаз моих, пиявка! – орал Поручик Голицын, обращаясь к супруге. – Пашеко, не исчезай! Давай еще выпьем.

– Уймись, Юра. Твой друг сию минуту уходит, – увещевала мужа Людмила, делая при этом Павлу страшные глаза. – Его дома мама с папой ждут.

– Папа с мамой – это святое, – грустно заметил Поручик Голицын. – Эх, были бы живы мои папа с мамой… Погоди минутку, собрат и коллега. Я тебе сейчас кой-чего дам. Посмотришь на досуге, полюбопытствуешь… – Он убежал в соседнюю комнату. Павел топтался возле двери, не зная, уходить ли ему или все же дождаться хозяина. Грозная Людмила между тем пристально взирала на гостя.

Во взгляде ее читалась легкая ирония и симпатия.

– И мой таким же был, – резюмировала она свои наблюдения, – молодой и румяный… И, заметь, небесталанный. Пока пить не начал. Все вы, журналюги, водчонку любите трескать. Это вас, ребятки, и губит. И ты по той же дорожке двинулся. Напрасно. Жизнь только начинается.

В этот момент в глубинах апартаментов Поручика Голицына раздался грохот падающих вещей и звон бьющегося стекла.

– Ах, гад! – воскликнула Людмила и, прекратив обличать пишущую братию, бросилась на шум. Послышались невнятные голоса, затем звуки оплеух, и вскоре перед Павлом опять возник Поручик Голицын. Левая щека и ухо его горели, на разгоряченном лице было написано торжество.

– Вот, Пашеко! Дарю! – воскликнул он и протянул Павлу очень пыльную и порядком замызганную картонную папку, на которой крупными буквами было оттиснуто «ДЕЛО №…».

– Что это за мусор? – раздраженно спросил Павел, которому надоело происходящее.

– Сам ты мусор! Читай!

Павел пригляделся. Кроме многозначительного слова, на папке имелась и другая надпись. «Суицид», – разобрал Павел полустертые карандашные буквы.

– Здесь то, о чем я тебе рассказывал… Изыскания, то есть… Дома посмотришь. А теперь топай до хаты. Мне тут кое с кем нужно разобраться по-серьезному.

ГЛАВА 2

Наш герой долго плутал по каким-то пустынным дворам, натыкался на детские площадки и заброшенные хоккейные коробки, плохо представляя, как выйти хотя бы к автобусной остановке. Он жил на проспекте Мира и в этих районах

никогда раньше не бывал.

Было темно, хлопья мокрого снега облепили Павла с ног до головы, хлестали в лицо, забивались за ворот. Папку он засунул под куртку, и она мешала при ходьбе. И вдруг он почувствовал себя одиноким и затерянным во мраке, точно находился не в центре столицы, а в глухой, безлюдной степи. Искорка света в кромешной тьме…

Минут через пятнадцать он выбрался к людям. А дальше в обратном порядке: автобус, метро… И вот наконец он дома.

– Чего так долго? – спросила мать.

– Заходил к коллеге, – отозвался Павел, садясь за стол, на котором дымилась тарелка с борщом.

– Нашел время по коллегам шляться. На улице вон какая круговерть.

– Так по делу же.

Мать ничего не сказала, только пожала плечами. Павел поел, пошел в свою комнату, по дороге прихватив старую папку. На нее попала влага, и, как показалось Павлу, картон вонял мышами. Тьфу, гадость! И на кой он притащил эту дрянь домой. Можно, конечно, не читая содержимого, папку просто выбросить. Но завтра Поручик Голицын наверняка спросит о ней. Мол, познакомился или как?..

Павел нерешительно дернул за шнурок бантика. В папке лежали пожелтевшие бумаги, частью исписанные от руки, а частью отпечатанные на машинке. Он пригляделся. Почерк принадлежал несомненно Поручику Голицыну, но был не в пример аккуратнее и разборчивее нынешнего. Во всяком случае, написанное можно без труда разобрать. Страницы аккуратно пронумерованы, скреплены успевшей заржаветь канцелярской скрепкой.

Павел улегся на тахту, включил настольную лампу и принялся изучать записки. Начал он с рукописи. Вначале шло нечто вроде предисловия, а возможно, начало статьи, отпечатанное на машинке.

«За последние годы в советском обществе значительно выросло количество самоубийств. Причин этому, по моему мнению, несколько. Во-первых, происходит расслоение масс по имущественному признаку. Некоторая часть населения (в основном люди пожилого возраста), внезапно выброшенная за пределы активной, созидательной категории общества, получающая весьма небольшую пенсию и не имеющая материальной и, главное, общественной поддержки, теряет веру в будущее, опускается и т. д. К тому же пожилые люди очень часто имеют серьезные заболевания. В некоторых случаях (лица без определенного места жительства, граждане, проживающие в отдаленной сельской местности) они лишены опеки социальных учреждений. Эти люди – основная составляющая жертв суицида.

Вторая причина – пьянство. Потребление алкогольных напитков постоянно увеличивается. Достаточно много самоубийств (уточнить статистику, проиллюстрировать цифрами) происходит в состоянии опьянения, причем в этой группе находятся люди различных возрастов, начиная от пятнадцати-шестнадцатилетних подростков и кончая взрослыми, даже пожилыми людьми. Кто-то кончает с собой вполне сознательно, не видя перспектив, кто-то в пьяном угаре, молодежь – очень часто желая насолить ближним, то есть не вполне веря в собственный уход из жизни. «Просто хотела попугать родителей», – пояснила мне свое поведение одна экзальтированная девица, наглотавшаяся в ванной комнате таблеток и тут же сообщившая об этом факте близким. Среди причин также часто встречается несчастная любовь, измена, невнимание со стороны объекта страсти. В данных проявлениях причина, так сказать, лежит на поверхности.

Но есть еще одна категория граждан, чье поведение не поддается объяснению, во всяком случае, на первый взгляд. Это зачастую благополучные, самодостаточные люди, не испытывающие как материальных, так и социальных проблем. Чаще всего самоубийство таких людей вызывает среди их знакомых огромное удивление или, по крайней мере, недоумение…»

На этом статья обрывалась. Дальше шли рукописные заметки, большая часть которых носила весьма отрывочный, понятный только одному автору, смысл.

Вот, например:

…вчера общался с Маковниковым… Резюме прозвучало весьма странно. Случай Г. нетипичен… Что значит нетипичен, если сам Маковников двумя неделями раньше утверждал обратное?

…побывал у вдовы Б. Ничего вразумительного. Плачет…

…случай Аганесяна скорее напоминает преступление (убийство).

…Николай А-ов наверняка неврастеник, к тому же дома… Отец лупил его смертным боем.

…Случай Козловой очень просто объясняется. Не получила роли, которую столь долго добивалась? Или любовник бросил?

Подобных записей на пожелтевших листках хватало. Вначале Павел внимательно их просматривал, но это ему довольно быстро надоело. И он, не читая остальных заметок, перешел к следующим материалам. Таковых оказалось три. Отпечатанные на машинке, они представляли собой нечто вроде кратких биографий.

КАЗАНЦЕВ

Иван Николаевич

Родился в 1920 году в Оренбургской области в крестьянской семье. Окончил восьмилетку. Трудовую деятельность начал в колхозе трактористом. Призван в армию в 1939 году. Служил в танковых войсках. Участник Финской кампании. (Медаль «За боевое отличие».) Член КПСС с 1940 года. С 1941 года в действующей армии. В 1942 году закончил танковое училище (ускоренный выпуск). Назначен командиром взвода в третью танковую армию генерала Рыбалко. Войну окончил начальником штаба полка. Правительственные награды: Орден Боевого Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого, другие награды… В пятидесятые-шестидесятые годы занимал различные командные должности в танковых частях. Демобилизован в 1975 году в звании генерал-майора. Проживал в Москве. Жена Казанцева Мария Васильевна. Дети: сын, дочь. Покончил жизнь самоубийством в марте 1982 года. Способ: застрелился из

наградного «парабеллума».

МАЛЕЦКАЯ (МАЛЬКО)

Рогнеда (Евдокия) Леонардовна (Леонидовна)

Родилась в 1929 году в Полтаве, в семье совслужащих. В годы войны в оккупации. Окончила десятилетку. Училась в Государственном институте кинематографии (отчислена с третьего курса), в Государственном институте театрального искусства (отчислена со второго курса). Работала в различных провинциальных и столичных театрах, в том числе в Театре Советской Армии в Москве. Снималась в кино в эпизодических ролях (наиболее известна роль Таси в фильме «Сибирское счастье»). В 1963 году была осуждена по ст. 154 УК РСФСР. Получила пять лет общего режима. Освободилась в 1967 году по амнистии. Неоднократно выходила замуж (пять или шесть раз). Детей не имела. Покончила жизнь самоубийством в марте 1982 года. Способ: отравление газом.

СТЕКОЛЬЩИКОВ

Илья Ильич

Родился в 1949 году в Москве, в семье крупного партийного работника. Закончил МГИМО по специальности журналист-международник. Член КПСС. Работал в Португалии, Бразилии, Анголе, в последнее время в редакции Всесоюзного радио (вещание на иностранных языках). Автор двух художественно-публицистических книг: «Глаз анаконды», «Алмаз Рикардо Гомеша». Разведен. Дети: дочь. Покончил жизнь самоубийством в мае 1982 года. Способ: застрелился из охотничьего ружья «зауэр».

Павел отложил бумаги, задумался. Ну, а вывод? Трое самоубийц… Что у них общего? Единственное – все из верхних слоев общества. Хотя престарелая актриса как будто выбивается из этой категории. Нет четкого мотива? Но ведь эти краткие биографии вовсе не сообщают подробностей. Только способ и оружие. Возможно, имеются еще какие-нибудь заметки?

Павел вновь взял сколотые листки. Ага, вот! Последняя исписанная от руки страница завершала подборку. Корявый, хотя и более-менее разборчивый почерк все того Поручика Голицына:

Казанцев – жена, домработница… Обе – двумя выстрелами – в грудь и голову. Потом в себя (правый висок). Тела найдены через три дня.

Рогнеда – собаки.

Журналист – всех. (Рядом с этой фразой нарисована могила, увенчанная покосившимся крестом.)

Никто не оставил записки!!! Почему???

Хотя какие уж тут записки!!!

Рассуждая по здравому разумению…

На этой фразе записи обрывались. Что хотел сказать Поручик Голицын «по здравому разумению», да и имелось ли вообще это самое разумение, оставалось неясным.

В комнату заглянула мать:

– Тебе звонят… Эта… твоя… – В голосе матери звучало скрытое недовольство, она протянула Павлу трубку.

Конечно же, Лилька.

– Давай куда-нибудь сходим, – даже не здороваясь, с ходу предложила она.

– В такую погоду?! Снег этот…

– Да не размокнем. Пошли хоть в бар. Потанцуем…

– Может, завтра? Я сегодня досыта нагулялся.

– А я – нет. Как хочешь, дорогой. – В игривом голосе подружки просквозила скрытая угроза. – А мне сегодня охота немного оттянуться.

– Ну, хорошо, – сдался Павел. – Только недалеко.

– И ненадолго? – Тон снова звучал весело-угрожающе. Вот ведь сучка! Явно напрашивается на скандал.

– Как получится, – осторожно отозвался он.

– Жду у входа в метро.

Лилька была классная девка. Что называется, отвязная. Павел встречался с ней уже полгода и сам не мог разобраться в своих чувствах к ней. Возможно, о любви говорить было не совсем верно, но привязанность к Лильке он, несомненно, испытывал. Стройная, миниатюрная брюнеточка с синими глазами, она была весьма эффектна и постоянно это ощущала. Мужики так и липли к ней, если и не напрямую, то уж взглядами обшаривали безо всякого стеснения. И Лильке весьма нравилось ощущать и использовать на практике собственную сексапильность. Павел предполагал, что он, возможно, не единственный, кому эта разбитная девица дарила свою благосклонность, а его мать в этом и вовсе не сомневалась. Однажды в воскресенье она вернулась с дачи не вовремя и застала сына развлекающимся в постели с незнакомой красоткой. Лилька ей не понравилась с первого раза. Девчонка даже не особенно стеснялась, словно была в их доме своею. И хотя мать – воспитанная женщина – повела себя сдержанно, однако чуть позже она охарактеризовала знакомую сына хлестким словом «шлюшка». Впрочем, она не видела в его увлечении ничего особенно страшного. Парень уже взрослый, работает… В любом случае ему нужна женщина, а о женитьбе, слава богу, пока речи не идет. Лилька, похоже, тоже увлеклась Павлом. Во всяком случае, она проводила с ним большую часть своего свободного времени. Девчонка любила веселиться. Ночной клуб, дискотека, бар были теми местами, где она чувствовала себя как рыба в воде, как золотая рыбка в переполненном аквариуме. Пила Лилька немного, но вот плясала буквально до упаду. Павел поражался: откуда столько энергии в столь тщедушном тельце?

Почти каждый вечер они проводили в каком-нибудь злачном заведении. Была у девушки еще одна особенность, поначалу удивлявшая Павла. В отличие от его

многочисленных знакомых женского пола Лилька никогда не позволяла платить за нее. С первого дня их общения она поставила условие: все расходы на увеселения пополам. Работала Лилька в шикарном бутике в Столешниковом переулке и в средствах особо не нуждалась.

Итак, Павел отправился вкусить чуток ночной жизни, а о только что прочитанных бумагах из замусоленной папки вовсе позабыл. Вернулся он домой поздно и тут же лег спать. И только на другой день, увидев в кабинете Поручика Голицына, вспомнил их. А тот, видимо, только и думал о том, как бы поскорее обменяться мнениями со своим молодым коллегой о старых записках.

– Прочитал? – не успев поздороваться, спросил он.

– Что?.. Бумаги из папки?.. Прочитал, конечно.

– И каково твое мнение?

– То есть?

– Вывод?

– Ну… это… А какой я, собственно, должен сделать вывод?

Поручик Голицын сердито засопел, потом закурил свою вонючую сигарету и взглянул на Павла.

– Я тебе зачем папку дал? Чтобы ты прочел и сообщил свое мнение!

– Простите, Юрий Николаевич, мне не совсем понятно, чего вы от меня ждете. Три человека свели счеты с жизнью…

– Ну, свели, свели… Но как свели! Ведь каждый из них, отправляясь на тот свет, прихватил с собой еще кое-кого. Или ты не понял?

– Как-то невнятно написано. Если только в конце… Может, я и вправду не понял.

– Этот военный, отставной генерал, перед тем как застрелиться, прикончил жену и домработницу. Артистка завела на кухню своих любимых собачонок, зарезала их, а уж потом сунула башку в духовку. Журналист же пристрелил двух своих родственников – племянника и племянницу, гостивших на его даче, соседа по даче, с которым был не разлей вода, и в придачу совершенно незнакомого ему старичка, на свою голову сунувшегося посмотреть, кто стреляет. А уж потом зарядом картечи разнес свою бедовую голову.

– Там про это ничего нет, – твердо произнес Павел.

– Нет!.. Конечно, нет! Я все в голове держал. Особенно Рогнеда-Дуська расстаралась. Две у нее болонки были, в коих она души не чаяла. Так она сначала их сечкой для засолки капусты порубила… Можешь себе представить. Вся кухня кровищей залита.

– Ужас, конечно… Ну и что?..

– А то, что все три случая связаны между собой.

– Чем, интересно? Поступки людей, находящихся в состоянии аффекта, не поддаются логике. Вот это самоубийство, – Павел ткнул пальцем в лежащий перед ним свежий номер со своей заметкой, – оно из того же разряда. Зачем этот дядька прикончил свою жену, а потом перерезал себе горло?

– Так я тебе об этом же и толкую! – всплеснул руками Поручик Голицын. – Все эти случаи отнюдь не спонтанны, они заранее подготовлены и срежиссированы.

– Кем срежиссированы?

– Кому это нужно.

– Опять за рыбу деньги… Кому нужно-то?! Отставной вояка, престарелая актерка и журналюга, скорее всего неудачник, поскольку вместо Парижа и Лондона был сослан на «Иновещание». Возможно, в моем случае еще можно проследить некую заинтересованную сторону. Несчастный был бизнесменом, а у подобной публики всегда найдутся враги. А эти-то кому мешали?

Поручик Голицын в ярости сорвался со стула и подскочил к Павлу. Тому даже показалось, что его собираются бить.

– Ничего ты не понимаешь! – воскликнул он.

– Так объясните… И успокойтесь, пожалуйста.

Старый газетный волк вновь опустился на свое место, не стесняясь, достал из стола бутылку и стакан, а также плавленый сырок. Видимо, данная закуска будила в нем некие ностальгические воспоминания, поскольку из левого глаза Поручика Голицына скатилась одинокая слеза и он горько, со сдержанным стоном, вздохнул. Однако, выпив сто грамм и закусив доперестроечным продуктом, ушлый репортер мгновенно повеселел. Ярость его улетучилась, уступив место благодушию.

– Ты, братец, сер… – заявил он снисходительно.

Павел посмотрел на Поручика Голицына с жалостью, смешанной с пренебрежением, но промолчал.

– В жизни каждого человека есть такие моменты, – продолжал вещать Поручик, – которые он хотел бы забыть. И порой забывал. А вот другие помнили… Прекрасно, знаешь ли, помнили. Я в те времена был довольно шустрым малым. Водку не пил вообще. И вот решил я написать про этих самых… Впрочем, я это тебе уже рассказывал. Так вот. Решил я провести собственное, так сказать, расследование. Фактуры много насобирал, а как ее объединить, не знал. Ну и начал копать. Возьмем хоть этого отставника. Ведь многим насолил. В сорок седьмом году настрочил донос на одного сослуживца. В ту пору этот Казанцев пребывал в Группе советских войск в Германии. Так вот, этот несчастный полковник, которого он утопил, мешал его продвижению по службе. Заслонял, так сказать, светлый путь. Этот урод накатал телегу: мол, такой-то встречается с немкой, ходит с ней в гаштеты, переодеваясь в штатское, ездит в Западную зону… Как говорится, «факты, изложенные в письме, частично подтвердились». Полковника, понятное дело, за ж… и в Союз. А уж там разжаловали. Он не выдержал позора, приставил ствол к виску, ну и… Я не утверждаю, что родственники или друзья того бедолаги решили отомстить. Но этот факт просто иллюстрирует сущность нашего героя.

А эта актрисулька и того хлеще. Если помнишь, ее укатали в лагеря по 154-й статье. Часть вторая, между прочим, – «Спекуляция в особо крупных размерах». Она входила в группу крупных московских валютчиков. Была, правда, на подхвате, но всех знала. И после ареста немедленно их заложила. За это ей дали всего пятерку… Да и статья у нее была другая, те шли по расстрельной – экономическая диверсия против государства. В лагере она стучала на своих товарок, не раз бывала бита, но выжила. Вернулась из заключения – ни кола ни двора. Жить где-то надо. В театральных кругах ее позабыли, а кто и помнил, дел с ней иметь не желал. В общем, она втерлась в доверие к одной весьма заслуженной и почтенной даме, тоже из актрис. По обыкновению, изобразила страдалицу: мол, села по облыжному доносу, ни в чем не виновата, людская злоба и зависть пределов не знают. Словом, прикинулась жертвой чуть ли не политических репрессий. Заслуженная дама ее сдуру прописала на свою площадь, благо жила одиноко, и ей, как она выражалась, «нужна компаньонка». А дальше как в сказке: «Была у зайчика избушка лубяная, стала ледяная». «Компаньонка» скоренько сжила со света свою благодетельницу и завладела не только ее квартирой, но и имуществом, включавшим кое-какие драгоценности, а также сбережениями… Так-то вот, друг мой Пашеко. – Поручик Голицын вновь горько вздохнул, налил себе полстакана. – Царство небесное той несчастной! Голодом ведь сучка Рогнеда ее уморила, истинную правду говорю. Из квартиры не выпускала, а кормить не кормила. Думаешь, не бывает ныне такого? Еще как бывает!

– А журналист этот… международник, в каких грехах уличен? – со скрытой иронией поинтересовался Павел.

– Какой международник?.. Ах да, Стекольщиков. Честно говоря, с ним я толком не разобрался. Он все с бабами путался. С женой по этой причине разошелся… Видать, поэтому его из загранки турнули. Моральный разложенец. С другой стороны, данная публика в те времена обязательно работала на какую-нибудь контору. КГБ там или ГРУ. Может, проштрафился… Словом, о нем ничего толком я не узнал.

– Ну, хорошо. Допустим, каждый из троицы был законченным мерзавцем. И что из этого следует?

– А то, – веско ответствовал Поручик Голицын, – что не самоубийства это были, а убийства.

– И актрису тоже замочили? – насмешливо спросил Павел. – Вместе с собачками. Животные-то кому помешали?

– Нет, ты не понял. Убивали они себя и окружающих самостоятельно, но не по своей воле…

– А по чьей?

– Не знаю. Уверен лишь в одном. Их заставили это сделать. Каким образом, не могу сказать.

– Но какие у вас основания так считать?

– Да не с чего им было сводить счеты с жизнью.

– Это не довод. Мало ли какие могут быть причины. Депрессия, например… Угрызения совести, неизлечимая болезнь, одиночество… Но, даже если допустить, что в ваших выкладках имеется доля правды, каким образом их заставили совершить самоубийство?

– Вот! Вот!!! – вскричал Поручик Голицын. – Мы и добрались до главного! До сути! Не столь важно, кто жертва. Необходимо понять, каков механизм ее действий.

– Ну и?..

Поручик Голицын выразительно пожал плечами и скорчил гримасу, отчего один его ус задрался вверх, а второй опустился вниз наподобие стрелки компаса.

– В таком случае о чем мы вообще говорим? – почему-то вышел из себя Павел. – Вы мне просто голову морочите!

– Ты послушай, Пашеко, дальше. Это еще не все. Я сам, конечно, до этой гипотезы додуматься бы не смог. Помогла, знаешь ли, одна встреча в том же восемьдесят третьем году. В декабре, аккурат перед Новым годом, мне в редакции дали путевку в дом отдыха, тут, под Москвой. Дом отдыха был ведомственный, принадлежал Министерству обороны. Каким уж образом у нас в

редакции оказалась путевка, я не ведаю. Время как раз такое неудачное, перед праздником. Да и погода, помнится, не очень располагала. Один день – мороз, другой – оттепель. Других желающих не нашлось, ну я и поехал. Один поехал. Людка, помню, была недовольна… Ну да черт с ней.

Дом отдыха оказался очень небольшим. Такая, знаешь, старинная барская усадьба, при советской власти превращенная в оздоровительное учреждение. Однако был весьма уютным, и кухня хорошая. Отдыхающих мало, сплошь мужики, и все, как один, пенсионеры. Из развлечений – бильярд. Словом – скукота.

На лыжах я ходить не любитель, оставалось либо дрыхнуть с утра до вечера, либо водку пить. Отдыхающие, за небольшим исключением, предпочитали второе. В столовой меня посадили к невзрачному такому мужичку, по виду типичному бухгалтеру: личико словно репка, очочки круглые, правда, в золотой оправе. В лицо не смотрит, только в тарелку. Назову его Петром Петровичем, хотя на самом деле у него было другое имя. И никакой он оказался не бухгалтер, а отставной генерал. На второй день, так же глядя в тарелку, предложил вместе с ним сходить на станцию. Как потом оказалось, за бутылкой. Отчего не сходить? И вот подобные променады стали мы с ним совершать два раза на день, после завтрака и после ужина. Пил я в те поры мало, но в компании очень даже неплохо получалось. Нужно сказать, что генерал с бухгалтерским обличьем оказался довольно занятным собеседником. В трезвом виде слова из него клещами не вытянешь, а выпьет – начинает разные занятные историйки рассказывать. И про войну, и про жизнь в гарнизонах, и про офицерских жен… Словом, «Декамерон» Боккаччо. Я, соответственно, тоже всякие интересности излагаю. Однажды рассказал ему про свои изыскания. Вспомнил про генерала Казанцева… Он, оказывается, его знавал. Нужно отметить, в тот момент, когда речь зашла о данном самоубийце, мой друг Петр Петрович был изрядно на взводе. И выдал: «Ванька-то Казанцев – никакой не самоубивец. Такие не стреляются. Его, натурально, укокошили». Я, естественно, усомнился. Кому, мол, он мешал? «Вы, – говорит, – ни хера не знаете… Ванька на деньгах сидел». Оказалось, Казанцев руководил снабжением Группы войск. «За это и ухайдокали, что делиться не желал». – «Да как же можно, – спрашиваю, – ведь следствием доказано… Из собственного, наградного «парабеллума»… Пульки, гильзы… Все сходится». – «Естественно, – отвечает, – собственноручно. Для этого есть специальные люди. Они, – говорит, – обладают такими возможностями. Пожелают – и человек приходит в состояние чрезвычайного возбуждения. Ему хочется убивать. Хоть кого… В том числе и себя. Вот Ванька сначала своих близких прикончил, а уж потом себя. Состояние это длится очень

недолго, однако этого времени хватает, чтобы натворить дел». Тут я давай расспрашивать: что же это за люди такие, где они водятся и кто отдает приказы. Мой Петр Петрович только смеется. «Или, – говорит, – ты думаешь – я совсем дурак. И так лишнего тебе натрепал. Советую, – говорит, – не лезть в это дело, не распутывать… А то прихлопнут как муху». Больше мы с ним на эту тему не толковали. Я пытался его еще расспрашивать – словно воды в рот набрал. Только усмехается. Много позже до меня дошло: не случайно меня в дом отдыха отправили, не случайным оказался и мой сосед-собутыльник. Узнали где-то, что я пытаюсь разобраться в этой истории, ну и намекнули…

Павел сидел, заинтригованный. С одной стороны, рассказ подвыпившего Поручика Голицына выглядел весьма фантастично, но с другой… С другой – было в нем нечто.

– Я же не утверждаю, что все случаи суицида на самом деле являются убийствами, – сказал Поручик Голицын. – Наверняка большинство из них имеет вполне реальное объяснение. Но вот те, при которых, кроме непосредственного самоубийцы, имеются еще жертвы, всегда вызывают во мне сомнение. Возьми хоть этот твой вчерашний случай… Зачем этот придурок отправил на тот свет еще и жену? Какие у него имелись причины? Вот то-то и оно!

– То есть вы хотите сказать: существуют некие структуры, способные устранить конкретное лицо безо всяких там выстрелов и взрывов?

– Где-то так, – невозмутимо отозвался Поручик Голицын.

– Кто же они такие? Гипнотизеры, экстрасенсы?..

– А бог их знает. Это раньше мне было интересно, а теперь не особенно. Спокойная жизнь, знаешь ли, дороже.

– Если бы раскопать, можно сделать колоссальный материал… сенсационный…

– Ну, так копай. Кто тебе мешает? Затравку я дал.

– Но с чего начать?!

– На твоем месте я бы разобрался со вчерашним случаем. Кто таков этот парень? Чем занимался? Были ли у него враги? И так дальше… Потом! Постарайся выяснить, не случалось ли в последнее время чего-нибудь подобного. Ищи аналогии. И вот еще что. Существует, я слышал, некое общество. Типа «Анонимных алкоголиков». Человек пребывает в депрессии, хоть сейчас в петлю. Идет туда. Там снимают абстинентный синдром, то есть… э-э… стресс.

– А… Знаю. Экстренная психологическая помощь. Позвоните по телефону…

– Нет. Не то. По телефону тебя будут успокаивать, сочувствовать… Разную лабуду бормотать. Жизнь, мол, прекрасна, солнышко светит, птички поют, так отчего же вы, товарищ, собрались добровольно уходить из этого лучшего из миров? На вас, мол, плохая погода действует. Как там у Козьмы Пруткова: «Вянет лист, уходит лето, иней серебрится. Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться…» А в этом обществе серьезные люди сидят. Психологи, психиатры… Одно слово, специалисты. Там и гипноз применяют, и электричество. Можно к ним обратиться за информацией. Само собой, скрыв, что ведешь расследование. Если, конечно, тебе это интересно. В чем основное преимущество профессионала перед дилетантом вроде тебя? В умении добыть качественную информацию. Пока не научишься – грош тебе цена. Можно, конечно, всю жизнь строгать информашки вроде: «На Каланчевской площади под колесами «шестисотого» «Мерседеса» погиб зазевавшийся бомж». И такое газете пригодится. Но уважать не будут. Всю жизнь на подхвате. – Очередной вздох и бульканье прозрачной жидкости. – Так что, мой друг Пашеко, дерзай, пока молод.

ГЛАВА 3

На улице, как и вчера, было слякотно. С сереньких небес моросило нечто неопределенное. И душа пребывала примерно в таком же состоянии.

«Почему так? – размышлял Павел. – Вначале охватывает подъем, и готов горы свернуть, а чем ближе к цели, тем больше неуверенности и опасений».

Под целью он подразумевал дом, где вчера произошли убийство и самоубийство. С чего, собственно, начать? Расспросить соседей? А захотят ли с ним

разговаривать? Могут и послать подальше. Мало ли что журналист. Запал, внушенный Поручиком Голицыным, уже выветрился. Копаться в чужом грязном белье расхотелось. Однако коли уж пришел…

Он без особой охоты распахнул дверь подъезда.

– К кому? – настороженно спросила консьержка, выскочив из своей будки с окошечком и преграждая путь могучим телом.

– Я, собственно, из газеты, – неуверенно произнес Павел.

– Документы есть?

Он протянул редакционное удостоверение.

– По какому делу?

– О вчерашнем хочу написать…

– Чернуху, конечно, – холодно произнесла консьержка. – Типа: «Кровавая разборка в квартире 77». А, паренек? Чего башкой вертишь?

– Может, именно так и напишу! – разозлился Павел. – Работа у меня такая!

– А моя работа – не пускать разных… – консьержка задумалась, видно, подбирая подходящее определение, – молодцев, – наконец нашла она компромисс. Слово находилось в рамках приличий и одновременно имело уничижительный оттенок. Мол, знай, журналистик, свое место.

– Так вы меня не пропустите? – сменив тон на просительный, спросил Павел.

– К кому ты… вы идете?

– Соседей хочу расспросить.

– Каких еще соседей?! Нечего людей с ранья булгачить. Народ у нас живет солидный, не какая-нибудь шваль… И чего они тебе должны рассказывать? – Консьержка, почуяв слабину в голосе Павла, видимо, сделала окончательный выбор. – Ходють тут разные… Может, ты корочки свои в переходе купил?

«Вот ведь сволочь какая!» – со злостью подумал Павел, поняв, что его переиграли. Он уже хотел понести противную тетку черными словами, но сообразил: именно этого от него и ждут, и вместо этого вкрадчиво спросил:

– Скажите, пожалуйста, как ваша фамилия?

– Слепой, что ли! – Консьержка ткнула пальцем в укрепленную над окошком табличку:

«Сегодня дежурит КОТОМКИНА Раиса Ивановна».

Павел достал блокнот и аккуратно записал туда данные.

– Вы зачем пишете? – чуть сбавив тон, спросила консьержка.

– Отсюда заверну в управу, – сообщил Павел, – и расскажу там, какие у них бдительные сотрудники.

– Я вовсе не служу в управе, – отозвалась Котомкина уже почти спокойно. – Я жильцами нанятая.

– Все равно сообщу, – твердо произнес Павел. – Пусть знают. Граница, так сказать, на замке. Враг не пройдет. А может, и в газете о вас напечатаем… Страна должна знать своих героев.

– Что тут за шум?! – услышал Павел за спиной строгий голос. Он обернулся. Перед ним стояли трое: милиционер с погонами старшего лейтенанта, мужчина в штатском и молодая непривлекательная женщина с остреньким лисьим лицом.

– Да вот, товарищ участковый, – отозвалась консьержка. – Говорит, из газеты. Про вчерашнее написать хочет…

– А удостоверение редакционное можно увидеть? – тут же потребовал участковый.

– Пресса, значит, – усмехнулся мужчина. – А мы – работники органов. Уголовный розыск, прокуратура и здешний участковый.

– Я хотел бы выяснить пару вопросов, – сообщил Павел, ожидая, что его сейчас прогонят.

– Пару вопросов… – рассеянно повторил мужчина. – Ну, что с вами делать… Раз так, поднимайтесь следом. А из какой вы газеты?

Павел назвал свое издание.

Женщина поморщилась:

– Знаю. Желтоватая у вас газетка. Давно трудитесь на журналистской ниве?

– Около года, – неопределенно ответил Павел.

– Криминальной хроникой занимаетесь. Первый раз вас вижу. Вот с коллегой вашим, как его… усатый такой и всегда нетрезвый…

– Скуратов, – подсказал мужчина. – Фамилия, как у бывшего генпрокурора.

– Точно, Скуратов. С тем я знакома. Дело, надо сказать, разумеет, согласно пословице. – Она хмыкнула. – А вы, значит, начинающий стрингер[2 - Стрингер – независимый журналист, обычно работающий по заданию крупных информационных структур.]?

– Я не стрингер, я в штате, – почему-то обиделся Павел.

Женщина засмеялась:

– Никоим образом не желала оскорбить, господин… – она взглянула в раскрытое удостоверение Павла, – Мерзлов. Однако и мы должны представиться. Я – следователь районной прокуратуры Вера Сергеевна Слепцова. Это «убойный отдел» – капитан Ершов, а это местный участковый Ерошкин Степан Матвеевич.

– Зачем он нам? – недовольно произнес участковый. – Только под ногами будет путаться.

– Ничего страшного, – спокойно сказала Слепцова. – У каждого свое назначение. Пускай посмотрит…

– А вы зачем туда идете? – поинтересовался Павел. – Разве вчера…

– Не успели все осмотреть самым тщательным образом, – отозвался Ершов. – Вчера спешили. Возможно, поэтому предсмертную записку не обнаружили или еще чего существенного.

Они остановились перед солидной стальной дверью, отделанной под старину.

– Образец средневековой замковой архитектуры, – насмешливо произнес Ершов. – И дела за такими дверьми должны твориться средневековые. – Он достал из кармана два ключа с затейливыми бородками, сорвал печати и открыл замки. – Проходите, товарищи.

Павел шагнул вслед за остальными. В просторном холле было полутемно, лишь мерцали во мраке огромные овальные зеркала. Щелкнул выключатель.

– Раздевайтесь, – скомандовал Ершов. – И обувь желательно снять. – На этот раз он обращался исключительно к Павлу. – Тут я где-то видел несколько пар домашних тапочек. Хватит на всех.

Журналист поспешно стянул свою кожаную куртку, повесил на крючок кепку из того же материала. Только после этого он вступил в хоромы и осмотрелся. Судя по размерам, в одну квартиру объединили две или три отдельные жилплощади меньших размеров, соответственно перепланировав их. Обставлены покои с крикливой роскошью, в понимании Павла, присущей большинству нынешних скоробогачей. Имелся полный набор излюбленных аксессуаров новорусского

быта: кожаные диваны и кресла, вычурные люстры и бра, картины в позолоченных рамах, бронзовые и фарфоровые статуэтки. В спальне возвышалась кровать в стиле рококо, наводившая на мысль о разнообразии и изощренности любовных утех. Однако сейчас здесь царил зловещий беспорядок. Простыни и одеяла были скомканы и покрыты пятнами засохшей крови, на полу валялись какие-то бумаги, а также резиновые медицинские перчатки.

– Ага, – сказал участковый, – вот мы и в логове разврата. – Слова эти показались Павлу странными. Что он подразумевает под словами «логово разврата»? Самая обычная квартира, хотя просторная и богато обставленная.

– А кто таков, ну, который тут жил?.. Убийца то есть? Расскажите хотя бы вкратце.

Но ответа на свои вопросы Павел так и не получил. На него вообще перестали обращать внимание. Присутствующие вели себя непонятно. Они вроде бы бесцельно слонялись по комнатам, открывали дверцы шкафов и секретеров, выдвигали ящики комодов, доставали оттуда различные вещи: предметы туалета, белье, одежду, но даже не осматривали их, а откладывали в сторону или просто бросали на пол. Сыщик Ершов прошел на кухню, залез в холодильник, достал разнообразную еду, пару бутылок пива, по-хозяйски уселся за стол и стал неторопливо выпивать и закусывать.

– Иди сюда, журналист, – позвал он Павла, – на, пей… – Он протянул бутылку «Туборга». – Не стесняйся, лопай. – На черствый кусок ржаного хлеба был положен толстый ломоть ветчины. – Горчичка вот…

– А разве можно?! – изумился Павел.

– Почему нет?! Не пропадать же добру.

– Вы же сказали, по делу пришли?

– Сейчас перекусим и займемся. – Он непонятно усмехнулся.

В кухню вошли остальные. Только теперь Павел как следует рассмотрел своих спутников. Участковому было не больше тридцати. Простонародное насупленное

лицо, пшеничные волосы, синие глаза. Если бы не выражение туповатой строгости, он выглядел бы свойским парнем. Ершов был постарше. Лет сорока, плотный, коренастый, взгляд с прищуром, на лице блуждает неопределенная улыбка, вроде добродушная, однако вмиг готовая обратиться в зловещую. Следователь прокуратуры Вера Сергеевна казалась самой молодой в этой компании. Она выглядела вполне на уровне, хотя в первое мгновение показалась ему не особенно привлекательной, скорее бесцветной: кареглазая шатенка чуть выше среднего роста, маленькое ухоженное личико с умело наложенным макияжем. Единственным недостатком, на взгляд Павла, являлась чрезмерная худоба. На Вере Сергеевне был строгий черный костюм; белая блузка с кружевным воротничком только подчеркивала деловой стиль ее одежды.

– Закусываешь, Ершов, – деловито констатировала она, потом взглянула на часы. – Самое время. Я, пожалуй, тоже… А из напитков еще что-нибудь имеется?

– Водка есть, коньяк, текила, абсент еще какой-то.

– Абсента можно глотнуть. Под такую закуску не грех. – Она стала намазывать хлеб маслом, а потом положила сверху толстый шмат паюсной икры. – Давай, Степа, за упокой убиенных душ… А ты, Ершов?

– Наливай.

– Господин стрингер? – Взгляд остреньких карих глазок уперся в Павла, и вновь ему почудилось в облике женщины что-то неприятное, лисье. И вела себя она весьма странно. Словно перед ним вовсе не следователь прокуратуры. Да и остальные, по понятиям Павла, мало походили на работников правоохранительных органов… – Пить будешь, журналист? – спросила Вера Сергеевна. – Надо бы. Чтобы те в могилках спокойно лежали. А то, не ровен час, вылезут. – Она хохотнула, словно пролаяла.

– Да будет он, будет… Куда денется, – ответил за Павла Ершов.

– Пусть только попробует не выпить, – зловещим тоном прошипел участковый.

– Вечно ты, Степа, людей пугаешь, – с ехидной укоризной произнесла Вера Сергеевна.

– Должность у него такая, матушка, – прокомментировал реплику участкового Ершов. – Всегда на страже.

– Я бы текилы выпил, – неуверенно произнес Павел.

– Хрен с тобой, трескай текилу, – пренебрежительно отозвался Ершов, пододвинув к Павлу квадратную бутылку. – А мы абсента попробуем.

Следователь уверенно, словно бывала здесь не раз, достала из кухонного шкафа четыре больших хрустальных стопки, граммов по сто каждая. Наполнила их.

– Ну, как говорится: земля пухом.

Все, включая Павла, выпили. Ему показалось, что хлебнул одеколону. Гортань обожгло, в горле встал терпкий горьковатый комок. Он закашлялся.

– Не в ту дырку пошло, – весело сообщил участковый. – А ничего этот абсент, крепкий…

– Ты, браток, закусывай, – ласково сказал Ершов.

Павел последовал совету, намазал горчицей ветчину и стал жевать бутерброд. На присутствующих он старался не смотреть. Те тоже ели, причем неопрятно и торопливо, словно опасаясь, что их сейчас попросят вон. Особенно громко сопел и чавкал участковый.

– Еще по одной? – предложила дама.

– Я больше не буду, – твердо произнес Павел. – Еще в редакцию надо.

– Как знаете, – равнодушно произнесла Слепцова. – А мы, пожалуй, продолжим.

Еще раньше, когда Павел только вошел на кухню, он почувствовал тяжелый сильный аромат непонятного происхождения. Хотя он казался смутно знакомым, словно пахло какими-то пряностями, но не конкретно корицей или гвоздикой, а некой смесью экзотических трав, в большинстве ему неведомых. Единственным узнаваемым ингредиентом в этой смеси ароматов оказался терпкий дух чабреца.

Скорее всего во время вчерашней суеты рассыпали несколько банок с приправами. Теперь, как решил Павел, именно от этого запаха у него внезапно и сильно разболелась голова. Алкоголь только усилил боль. К тому же происходящее все меньше нравилось ему. Непонятно было, почему служители Фемиды столь бесцеремонно и нагло ведут себя в чужой квартире. Без всякого зазрения совести залезли в холодильник… пьют чужую водку… Ну ладно бы только хам-участковый… А этот Ершов?.. И уж вообще странно, что следователь прокуратуры, молодая интересная женщина, словно руководит их действиями. Первая предложила налить… А их взаимоотношения между собой… Словно сто лет знакомые друзья-приятели. И главное, почему они нисколько не стесняются постороннего человека? Ведь знают, что журналист. Считают за своего? С какой стати, если первый раз видят. Непонятно. Наверное, настало время покинуть эту компанию к чертовой матери!

Павел поднялся.

– Молодой человек как будто собрался уходить? – проворковала Вера Сергеевна. – Не спешите, юноша, сейчас начнется самое интересное.

Что она такое имеет в виду? Возможно, предстоит некий следственный эксперимент? Потерпеть разве еще немного?

– Скажите, подобные преступления… или, лучше сказать, случаи достаточно часто встречаются? – спросил Павел, чтобы хоть что-то сказать.

– Вы о чем? – настороженно спросил Ершов.

– О самоубийцах. Вот, допустим, человек решает свести счеты с жизнью, а заодно прихватывает с собой еще пару-тройку человек.

– Неплохо он выразился, – одобрила Вера Сергеевна. – «Прихватывает пару-тройку».

– Случается, – неопределенно сказал Ершов. – Бывает, что и прихватывают. А, Степа? В твоем околотке имеют место подобные явления?

– Время от времени, – продолжая чавкать, сообщил участковый.

– Приведете какой-нибудь пример? Ну, там… кровавого преступления.

– Кровавого, значит?.. Можно. Вот, слушай. На моем участке проживал сантехник один. Потехин, по фамилии. Нормальный такой парень, работник квалифицированный, правда, пьющий. Но безотказный. Бывало, среди ночи к нему стучится жилец. Выручай, Потехин, труба фонтаном свищет! Ни слова против не скажет мой Потехин, берет газовый ключ и устраняет протечку. А то еще фекальный стояк прорвет. В подвале дерьма по колено. И тут Потехин выручит. Никому в дерьмо лезть неохота, а он… Беспрекословно ныряет в пучину… Словом, истинный пролетарий. Молчалив, работящ, нетребователен. Знай шурует газовым ключом. И в пьяном виде скромен. Песни только любил петь. Особенно из репертуара группы «Роллинг стоунз». Любил он «Роллингов», непонятно почему. Выйдет, бывало, под вечер с гармошкой и знай наяривает «Satisfaction» или там «Mother Little Helper». Ее он особо любил. Поет про «маминого помощника» и плачет. Жалко, значит, ему мамочку. Конечно, народу не больно нравится, что под окнами на гармони пиликают да песни непонятные орут. Однако замечаний не делали, помня о потехинской безотказности. Никто слова не говорил, кроме одного человека, супруги Потехина, Бьянки. Звали ее, конечно, по-другому, но Потехин кроме как Бьянка ее не величал. Не успеет водопроводчик за гармонь взяться, жена начинает его пилить. Мол, от людей стыдно и все такое прочее. И вот эту самую Бьянку Потехин по пьянке и ухайдокал. Приходит раз домой «под балдой» в неурочное время. А Бьянка его с хахалем на брачном ложе кувыркается. Понятно, кровь в Потехине взыграла, даром что безответен. Хвать в руку все тот же газовый ключ и давай «месить» и Бьянку, и хахаля, а заодно и тещу приложил… Такая вот драма произошла в нашем микрорайоне.

– Весьма поучительная история, – заметила Слепцова, плотоядно облизываясь. – А может, и нам последовать примеру этой Бьянки? – И она стала расстегивать пуговички блузки.

Узрев подобные действия, Павел вытаращил глаза. Остальные как будто не обращали внимания на поведение Веры Сергеевны. Участковый продолжал тупо жевать, а Ершов уставился в окно, за которым виднелся сумрачный колодец двора.

Дама наконец справилась с блузкой и разоблачилась по пояс. Теперь, кроме юбки, на ней остался лишь крошечный лифчик.

– Так, встали! – скомандовала она. – И шагайте за мной. Вы, молодой человек, тоже, – обратилась она к Павлу.

Павел не знал, что и думать. Он уныло поплелся следом за остальными. Участковый на ходу вытирал губы, Ершов, как обычно, улыбался непонятно чему. В спальне Вера Сергеевна разоблачилась полностью. Она оказалась смугла, худа и безгруда.

«Что они собираются делать? – с тоской думал Павел. – Неужели хотят заняться сексом?! Она одна, их двое…» Мысли путались, заскакивали одна за другую. Смятение, стыд, гадливость овладели им. Он старался не смотреть на Веру Сергеевну, но не мог отвести глаз. А та, смотрясь в зеркало, стала выплясывать некий непристойный танец. Она сладострастно покачивала плоскими мальчишескими бедрами, оглаживала едва выступающие груди, медленно проводила ладонями между ног. Павел обратил внимание: прямо по позвоночнику проходила узенькая, довольно густая полоска темных волос, заканчивающаяся подобием крошечного хвостика.

Вдруг накатило возбуждение. Темная волна затопила разум, растворила в себе здравомыслие… Ему уже не хотелось уходить, напротив, он опасался только одного: как бы не выпроводили вон.

Женщина между тем перестала вертеться перед зеркалом. Она повернулась к Павлу, зазывно улыбнулась и махнула рукой в сторону залитой кровью кровати, несомненно, приглашая заняться любовью.

Павел оглянулся на ее спутников. Оба мужчины делали ему знаки, означающие одно и то же. Участковый движением рук и бедер довольно энергично изображал совокупление. Ершов просто показывал пальцем: давай, мол, действуй. При этом он мерзко улыбался. Странная представительница органов надзора между тем улеглась на ложе, отбросив в сторону заляпанные одеяла и простыни. Она согнула ноги в коленях и широко развела их в стороны, недвусмысленно приглашая приступать.

Павел вновь оглянулся. Ему вдруг привиделось: вместо человеческих лиц он видит жуткие оскалы монстров. Новые знакомые и на людей-то не походили. Физиономия участкового – вылитая кабанья харя с огромными кривыми клыками, торчащими из слюнявой пасти. А Ершов выглядел в точности как рыба, давшая

ему фамилию: выпученные стеклянные глаза, губастый рот, усеянная шипами чешуйчатая рожа. Оба монстра гримасничали, подпрыгивали на месте и на мгновение зависали в затхлом, пропитанном миазмами воздухе спальни.

Теперь Павел смотрел только на женщину, если существо, лежавшее на кровати, действительно являлось женщиной. Тело оборотня пока что было человеческим, но голова скорее походила на собачью или лисью, вернее, она сочетала в себе черты обеих особей. Дивные, влажные глаза, казалось, источали похоть, длинный розовый язык свешивался набок. Существо учащенно дышало…

От нее так чудесно пахло. Дурманящий, сводящий с ума запах толкнул нашего героя вперед. Теперь он думал только об одном: как бы поскорее овладеть этим невероятным телом.

Дальше все напоминало дикий ночной кошмар. Сознание то включалось, то выключалось, фиксируя самые невероятные сцены. Чудилось: он барахтается в жирной, теплой, вонючей грязи, а рядом копошатся, хрюкают, мычат какие-то неведомые омерзительные существа. Все вокруг совокуплялось самым причудливым образом.

Потом вдруг все внезапно закончилось. Дьявольская троица куда-то исчезла. Теперь он лежал на кровати вроде бы один. В спальне стоял сумрак, словно уже наступил вечер. Напротив призрачно мерцало зеркало, перед которым давеча кривлялась Вера Сергеевна. В квартире царила полнейшая тишина. Ни малейшего звука не проникало в спальню. «Словно в могиле» – пришло на ум. Ощущение, на сей раз завладевшее им, казалось вполне закономерным. Он не испытывал ни ужаса, ни даже особого страха, а пребывал в полнейшей прострации. Чувство было такое, словно из него полностью высосали кровь. Вдруг он ощутил: рядом вновь кто-то есть. Повернул голову. Подле него лежала неизвестная женщина. Глаза незнакомки были закрыты, лицо – бледное пятно, блестело, словно залито слезами. Он повернулся на бок, опер голову на ладонь и, насколько позволял сумрак, попробовал различить, кто же перед ним.

Во всяком случае, это не Вера Сергеевна. Незнакомка тоже оказалась обнажена. Лет сорока, не худая и не толстая… Павел робко дотронулся до тела кончиками пальцев. Оно было холодно как лед.

Кто же это?!

Женщина чуть заметно пошевелилась. Павла прошиб озноб. Она переместилась, причем голова ее осталась неподвижно лежать на подушке, а тело слегка повернулось в его сторону. Только тут Павел заметил, что горло незнакомки разрезано от уха до уха.

Она открыла глаза. Они оказались абсолютно пусты и незрячи.

Теперь он понял – кто перед ним. Это была хозяйка квартиры, вчера убитая собственным мужем.

Дыхание словно замерзло, гортань сжало, сердце рухнуло вниз.

Она медленно подняла правую руку, словно пытаясь обнять его.

Все поплыло у нашего героя перед глазами, он ощутил, что проваливается в преисподнюю.

Проснулся Павел оттого, что замерз. Холодный сырой воздух врывался в спальню через приотворенную раму. Вначале огляделся по сторонам. В спальне ни души. Он вскочил и только тут заметил, что полностью одет. Значит?!. Значит, ничего не было!!! Зачем-то выглянул в окно. Короткий ноябрьский денек уже перешел в вечер. На улице почти темно. Ничего себе, повеселился! Но как же объяснить все произошедшее? Павел бросился на кухню. Здесь тоже пусто. Все аккуратно прибрано, на столе – ни крошки. Нет и следа давешней «перекуски». А может, ее и вовсе не было? Но как же?.. Он отлично помнит вкус ветчины с горчицей. А горечь от выпитого сохранилась во рту до сих пор. Или все после себя аккуратно убрали?

Павел зачем-то заглянул в двустворчатый «Дженерал электрик». Холодильник был забит продуктами «под завязку». Имелись тут и различные напитки, в том числе текила и почти пустая бутылка абсента. Значит, все было взаправду.

Теперь все объяснялось довольно просто. Он просто опьянел, и его уложили на хозяйскую кровать, а сами навели порядок и ушли. А все эти ужасы ему просто приснились. Успокоенный собственными умозаключениями, Павел натянул куртку, надел башмаки и покинул злосчастную квартиру. На выходе из подъезда

консьержка даже не повернула головы в его сторону. Тут Павел немного замешкался. Он хотел спросить у консьержки, давно ли ушли его спутники, но, вспомнив про ее скверный характер, передумал. Какая, в конце концов, разница.

На улице по-прежнему слякотно и промозгло. Что делать дальше? Отправиться домой или в редакцию?

По здравому разумению Павел решил появиться на работе. Пока ехал в метро, пока шагал к конторе, все произошедшее словно ушло куда-то в иное измерение. Он и думать перестал о случившемся. Проталкивался сквозь людские массы, стоял в переполненном вагоне, притиснутый к нерабочей двери, машинально фиксировал одежду, людские лица, выражение лиц, мимику…

В конторе в этот час уже почти никого не было. Поручик Голицын, который обычно торчал допоздна, тоже почему-то отсутствовал. Павел решил как-нибудь незаметно исчезнуть, но появился ответственный секретарь:

– Ага, ты здесь! Где, интересно, тебя носило?

Павел не стал вдаваться в объяснения, сообщив, что ходил на объект.

– Какой такой объект? Не морочь мне голову! Сейчас же срочно топай в Торговый центр на Манежной, там в шесть часов Лужков открывает не то элитную галерею, не то филиал Исторического музея. Есть у события и приятный момент. По случаю открытия имеет место быть шикарный «фурш». Много не пей. Завтра с утра с тебя сто строк. Давай, шуруй…

И вновь мелькание сотен лиц, бесконечные и бессмысленные разговоры, сливающиеся в один нескончаемый лепет.

Величие… Созидание… Национальная идея… Демократическое большинство… Либеральная империя… – эти слова вырывались из общего контекста, впечатывались в сознание, словно капли расплавленного воска.

Домой Павел вернулся поздно, сказал матери, что ужинать не будет, поскольку перекусил на презентации, и сразу же лег в постель. Но сон не шел к нему. События дня, доселе прятавшиеся в потаенных уголках сознания, сейчас, в

тишине, выплыли на поверхность и потребовали анализа. Перед глазами вставала проклятая квартира.

Это ужасное существо, вначале именовавшееся Верой Сергеевной Слепцовой, по внешности и поведению больше всего напоминавшее обезьяну или скорее лисицу… Галлюцинация? Сон? Или все-таки реальность? А может, прав Поручик Голицын, утверждающий, что человека просто заставляют совершить тот или иной поступок, внушив ему бредовую мысль? Но как?! Попробуем разобраться. Что обычно вызывает галлюцинации? Понятное дело, психотропные вещества. Возможно, квартира была обработана подобной дрянью, и он, Павел, стал жертвой ее остаточного воздействия. Он, как только вошел, обратил внимание на тяжелый запах непонятного происхождения и свойства. Тогда почему остальные не испытали такого же воздействия? Ведь они почти с самого начала стали вести себя весьма странно. Бессмысленно бродили по комнатам, словно искали сами не зная что. Дальше принялись жрать и пить. И, наконец, эта тетка стала раздеваться… А сам алкоголь, эта пресловутая текила. Может, подмешано нечто?

Рассуждения вполне логичны, но, во-первых, кому и зачем нужно было убивать хозяина квартиры, он так и не выяснил. Потом, куда делись люди, пришедшие вместе с ним? Почему оставили его одного? И были ли они действительно теми, за кого себя выдавали? Ведь своих документов так и не показали. На участковом была милицейская форма… Однако что это доказывает? Форму можно нынче раздобыть без проблем. Допустим, у них имелись какие-то свои цели. Но тогда зачем они взяли его с собой? Ведь даже упрашивать не пришлось, сами пригласили. Одно с другим не вяжется.

Можно, конечно, проверить, есть ли в действительности такие люди. Их фамилии он запомнил. Ершов, Слепцова… и этот участковый Степан… Забыл! Простенькая такая фамилия. Впрочем, личность участкового установить легче легкого. К тому же всех троих видела и наверняка запомнила бдительная консьержка. И что из этого следует? Скорее всего это вполне реальные сотрудники. И ничего сколь-нибудь необычного в их поведении нет. Подвыпили, вот и дали волю низменным инстинктам. А то, что они предстали перед Павлом в виде монстров?.. Так неизвестно, как он сам выглядел в их глазах. Каким то есть представлялся.

Павел полностью запутался в своих рассуждениях, мысли его смешались, и он заснул.

ГЛАВА 4

Оставим пока в покое подающего надежды журналиста Павла Мерзлова. Пусть себе почивает на продавленной тахте и видит сны, сладкие и ужасные одновременно, и обратимся к другому действующему лицу нашего повествования.

Никифор Митрофанович Бурышкин, о котором пойдет речь, являлся личностью, во многих отношениях весьма примечательной. Проживал он в самом центре столицы, в огромной коммунальной квартире, не расселенной до сих пор лишь потому, что дом, в котором она находилась, должны были вот-вот снести. Часть жильцов уже получила новое жилье, оставались лишь самые стойкие или хитрые.

Для Никифора Митрофановича бытовые условия не имели особого значения, но покидать Центр он категорически не желал. Пока что он обитал в полупустой квартире и уезжать из нее никуда не помышлял.

Довольно пестрая жизнь, о перипетиях которой свидетельствовали многочисленные фотографии, украшавшие стены его комнаты, отличала данного индивида от серой массы совслужащих. Эти несколько запыленные картинки в старомодных рамочках действительно производили впечатление на неподготовленного гостя. Например, Бурышкин в группе военных «с большими звездами» (единственный, между прочим, штатский), среди которых выделяется осанистый маршал Жуков. Или вот: Никита Сергеевич Хрущев в гуще «народных масс», на заднем плане Бурышкин. Первый космонавт Юрий Гагарин в окружении пионеров сажает дерево, неподалеку все тот же Никифор Митрофанович. Известные актеры, певцы, шахматисты (Михаил Таль) и даже знаменитый клоун Олег Попов – все они в разное время общались с Бурышкиным, или же он находился поблизости от них. Были ли эти многочисленные снимки настоящими? Вопрос оставался открытым. Сам же хозяин, когда его спрашивали, где он снимался с той или иной знаменитостью, хранил многозначительное молчание, намекая чуть ли не на государственную тайну.

Кем же являлся этот загадочный человек? Работником спецслужб? Телохранителем? А может, иностранным разведчиком? Ни то, ни другое, ни третье… Специальность у Никифора Митрофановича была самая мирная – дантист. Да-да, зубной врач! Вернее, техник. Но какой! Таких специалистов – поискать. Умелец! Бывало, такой бюгель «смастрячит» – любо-дорого смотреть. И народ, конечно, ценил мастерство. Поэтому и пускали туда, куда простому смертному путь закрыт.

Конечно, зубников на свете немало, да и подлинные умельцы встречаются не так уж редко. И амбициозных среди них хватает. Но амбиции у Бурышкина имели особое свойство. Он постоянно стремился в высшие сферы, в круг, так сказать, «небожителей». Не было для Никифора большего удовольствия, чем попасть в объектив какого-нибудь известного или не очень фотомастера. И не просто попасть, а чтобы неподалеку имелась важная персона.

Нет на свете такого человека, у которого хоть раз в жизни не болели зубы. Поэтому фотографы охотно делились с Никифором отснятым материалом.

Бурышкин родился здесь же, в Москве, незадолго до войны. Родословную свою он выводил от известных московских купцов-мануфактурщиков, но скорее всего являлся просто их однофамильцем. Отец, служивший в Моссовете в небольшой должности делопроизводителя, но бывший членом ВКП(б), в тридцать седьмом, когда Никеше стукнул всего годик, загремел в лагеря, опять же благодаря громкой фамилии. Неизвестный ревнитель «чистоты рядов» настрочил анонимку, в которой обвинил Никешиного батяньку в связях с парижской эмиграцией и сокрытии непролетарского происхождения.

Из партии отца вычистили, а вскоре и посадили. При этом мать как работала на секретном Гознаке мастером, так и продолжала там работать.

Отец вернулся домой в конце пятьдесят третьего. К тому времени Никеше стукнуло шестнадцать. Ничем особым среди сверстников он не выделялся. Учился средне. Закончил семилетку, подался в ремеслуху получать профессию печатника. Мать посоветовала.

Отличали Никифора от дворовых приятелей его «золотые руки». За что бы паренек ни взялся, все у него получалось. Предложит, к примеру, в школе учитель труда изготовить самостоятельно в подарок матерям или сестрам к

Восьмому марта шкатулки. Большинство поковыряется пару вечеров, да и бросит. Отдельные ребята доведут дело до конца, но уж больно убогие у них изделия получаются. Все вкривь и вкось. Учитель только морщится. Зато Никеша сотворит вещицу – хоть в музей ее отдавай. Выпилит лобзиком все завитушки орнамента с величайшим тщанием. Лаком покроет – загляденье! Учитель его всегда в пример ставил. Но шкатулки очень скоро перестали интересовать Никешу Бурышкина. Юному умельцу требовались вещи посерьезнее.

Однажды в руки Никифора попал поломанный «наган». Война кончилась не так давно, и подобного хлама у ребятишек водилось – хоть отбавляй. Тем более далеко за военными железками ходить было не нужно. Поезжай в Ельню и поройся в полуобвалившемся окопе.

В ремеслухе имелась хорошая слесарная мастерская, а наш «Кулибин» быстро овладел азами специальностей токаря и фрезеровщика. «Наган» он довольно быстро починил и продал знакомому хулигану, выручив приличные деньги. Однако очень быстро смекнул, что легко может изготавливать подобные «игрушки» самостоятельно. На третьем стволе «кустарь-одиночка» попался. Присутствовавший на суде отец только горько кивал головой. «Эх, сынок, – сказал он напоследок, – не знаешь ты, куда идешь. Хапнешь горя… Хотя, может, это и к лучшему. Как говорится: «от тюрьмы да от сумы…» Раньше сядешь – раньше выйдешь».

Получив срок, Никифор, нужно заметить, не особенно расстраивался; и правильно делал! Именно «на киче»[3 - Кича (жарг.) – тюрьма.] он овладел профессией зубного техника, выведшей его в люди и сделавшей в определенной степени знаменитым. Приобщил толкового парнишку к стоматологическому поприщу некий пожилой кишиневский еврей, отбывавший наказание за незаконные сделки с драгметаллами. Старец по кличке Лева Жид был великим докой по части протезирования. В лагерях, по причине плохого питания, зубы у людей портятся значительно быстрее, чем на воле. К тому же в соответствующих кругах существовала мода на коронки, так называемые «фиксы». Для разной мелочи: «битых фраеров»[4 - «Битый фраер» (жарг.) – человек, близкий к блатному миру, но не вор.], «бакланов»[5 - «Баклан» – хулиган.] и прочей «шестерни» фиксы изготовлялись из дешевых заменителей, всяких там латуней и рандолей, а то и просто из нержавейки. Но настоящий, авторитетный вор, в соответствие рангу, должен был иметь только «рыжую», то есть золотую, коронку, и желательно не одну.

Лева Жид благодаря своей профессии в лагере жил припеваючи, пользовался уважением, его никто не смел обидеть. Однако через пару лет он должен был освобождаться. Приметив сметливого Никешу, Лева некоторое время присматривался к нему, а потом помаленьку стал посвящать в секреты своего ремесла. Довольно быстро Бурышкин освоил навыки профессии, а вскоре мастерил коронки не хуже своего учителя. Вначале многоопытный Лева относился к Никифору с некоторой настороженностью, но, увидев, что его ученик хоть и «хитрован», но не «гнилой», проникся к нему отцовскими чувствами. «Ты, Никешка, – говорил он, – как откинешься[6 - «Откинешься» – освободишься.], приезжай до меня в Кишинев. Здесь, в лагере, так, чепуха. Нормальной вещи не сработаешь, а там у меня своя мастерская…» Никифор так и поступил. Именно в Кишиневе он достиг совершенства в своем деле, однако солнечная Молдова не стала для Бурышкина временным «портом приписки». По прошествии нескольких лет он вернулся в Москву. Молва о золотых руках бежала впереди мастера. От клиентуры не было отбоя, однако не материальная выгода была стимулом для Никифора. Он жаждал славы совсем в иных сферах. Вначале стремился сблизиться с разными знаменитостями. Его благосклонно допускали к телу, а чаще просто снисходительно терпели, как терпели и других нужных людей: парикмахеров, портных, ювелиров, заведующих гастрономами и промтоварными базами. Никифор, человек амбициозный, а значит, и самолюбивый, очень скоро понял, что никогда не встанет на равную ногу с каким-нибудь захудалым певцом, третьестепенной балеринкой и тем более генералом или космонавтом. Нужно прославиться самому. И не чудесами зуботехники, а чем-нибудь необычным, интригующим, недоступным пониманию большинства…

В середине шестидесятых годов, во время так называемой «оттепели», советский человек вдруг осознал: окружающий его мир полон загадок. На протяжении предыдущих десятилетий народу внушали: основная его задача строить… Сначала социализм, а потом, хотя первую стройку, как у нас водится, так и не завершили, переходить к следующему этапу – возводить величественное здание коммунизма. Генеральная линия не допускала разночтений. Официальную церковь едва терпели, инородные секты выжигали каленым железом. Что касается всяких там оккультных тайн, то за интерес к ним, случалось, и срок давали. Если, скажем, генетику объявили лженаукой, что уж тут говорить об остальном…

Но времена меняются. И вот уже всякого рода необъяснимые явления захватывают умы, в первую очередь молодые. Вот, к примеру, снежный человек… Чем не загадка века. Где-то в горах геологи обнаружили следы,

похожие на человеческие, только очень большие. Такие могли принадлежать двухметровому гиганту. Местные жители сообщили: это, мол, хозяин тайги, «йети» – дикий человек. И стоило в молодежной газете появиться публикации на эту тему, как со всех концов страны посыпались сообщения о находке подобных отпечатков, окаменелых экскрементах и даже о коротких контактах с неопознанной косматой личностью. Якобы имел место случай, когда лесное чудище похитило и держало в плену три дня и три ночи молодую геологиню. Девушке в конце концов удалось бежать, а спустя девять месяцев родила она «неведому зверушку», по обличью схожую с шимпанзе. Факт этот был описан в одной сибирской газете. Номер вышел в аккурат первого апреля. Однако редактора все равно сняли. Но вырезки из газеты пошли гулять по стране. И тут выяснилось: водятся эти снежные люди не только на территории СССР, но и за его пределами. Даже в солнечной Калифорнии встречали подобных существ. И не только встречали, а и сфотографировали. И потянулись в необжитые районы самодеятельные экспедиции на поиски снежного человека. Между прочим, фильм на эту тему сняли. «Человек ниоткуда» назывался. Кстати, тамошний дикарь выведен этаким простодушным идеалистом с незамутненной совестью и преувеличенным чувством справедливости. Своего рода субъектом коммунистического будущего.

Снежного человека так и не нашли, зато новое поветрие заразило пытливые умы. Речь, конечно же, идет о инопланетянах… О пресловутых маленьких зеленых человечках… О летающих тарелках… О таинственных наскальных рисунках… О гигантских знаках-иероглифах, выложенных на плато Наска в Андах и служивших будто бы ориентирами при посадке инопланетных космических кораблей… Да мало ли еще существует вещей, происхождение которых приписывают проискам внеземного разума.

Наш Никеша, к тому времени ставший Никифором Митрофановичем, желая прославиться, тоже захотел сделать важное открытие, но размениваться на разные сомнительные сенсации не стал, решив остановиться на чем-нибудь более-менее реальном. Таковой оказалась библиотека Ивана Грозного.

История эта общеизвестна; во всяком случае, сейчас. Византийская принцесса София Палеолог, будущая жена государя всея Руси Ивана III, привезла с собой в Москву большое количество греческих и латинских инкунабул и манускриптов. К этим книгам добавились и другие редкие издания, приобретенные московскими царями. В эпоху страшного Ивана библиотека пропала. По одной версии, она до сих пор находится в подземельях под Кремлем, по другой – во время опричнины

была вывезена в Александровскую слободу и спрятана опять же в тамошних подземельях. В разное время библиотеку искали и якобы даже находили, но теряли место находки.

Никифор рьяно взялся за поиски, изучил имеющиеся на этот счет документы и решил уже было попробовать проникнуть в кремлевские подземелья, но о его намерениях стало известно компетентным органам. С исследователем потолковали в одном достаточно серьезном учреждении, и от поисков библиотеки пришлось отказаться. Новая затея Никифора тоже опиралась на вполне реальные факты. На этот раз он взялся за поиски клада Наполеона. Согласно легенде, отступая из Москвы, великая армия тащила с собой сокровища, награбленные в барских усадьбах и кремлевских соборах, в том числе золотой крест с колокольни Ивана Великого. По мере продвижения по Старой Смоленской дороге, в условиях постоянных налетов казаков и партизан, тяжелый груз сильно мешал, и его решили затопить в одном из ближайших озер. Назывались два водоема, в которых, предположительно, могли находиться сокровища. Никифор на свои деньги организовал команду аквалангистов и принялся за поиски. Увы, клад в прямом смысле «как в воду канул». Три месяца непрерывных ныряний оказались безрезультатны. Следующими начинаниями Бурышкина были… Впрочем, перечислять можно довольно долго. Упомянем лишь о некоторых объектах: поиски конкретного места Куликовской битвы (так и не нашел), попытка опубликовать купленные по случаю мемуары наперсницы последней императрицы фрейлины Вырубовой (оказались фальшивкой), экспедиция в Монголию на поиски мертвого города Хара-Хото (задержан монгольскими пограничниками и выслан из страны), и прочее, прочее, прочее… Жизнь Бурышкина превратилась в непрерывную цепь авантюр. Не одну книгу можно было бы написать о его приключениях. А главное, на склоне лет он добился того, о чем мечтал, а именно – стал знаменит в определенных кругах. Хотя его слава была сродни славе барона Мюнхгаузена, старика это вполне устраивало. В редакциях научно-популярных и приключенческих журналов Бурышкин пользовался исключительным вниманием. Сам он статей не кропал, но с его слов было записано немало занимательных историй. Как и в рассказах Мюнхгаузена, правда и вымысел в бурышкинских байках были настолько переплетены, что даже специалист вряд ли распознал бы, где тут быль, а где сказка. В последнее время Никифор Митрофанович уселся за сочинение мемуаров, однако трудился над ними недолго. Его целиком захватило новое начинание, а именно – исследование феномена реинкарнации.

О реинкарнации, или переселении душ, писали и пишут довольно много. Согласно восточным религиям, индуизму и буддизму, душа после смерти тела

возрождается в другом человеке или животном, растении или даже в каком-нибудь неживом предмете, скажем, камне. Все зависит от того, какую жизнь усопший вел. Был, допустим, праведником – получай божественную сущность, а грешил – продолжай страдать в человеческом обличье или даже, что характерно, в скотском. Отсюда вытекает понятие о карме – влиянии совершенных действий на характер настоящего и последующих существований.

Однако Бурышкина интересовало не столько теоретическое обоснование реинкарнации, сколько практическое подтверждение ее существования. И ему удалось собрать ряд фактов, как будто подтверждающих это явление.

Года три назад в одном из московских таблоидов была опубликована следующая заметка:

РЕБЕНОК «С ТОГО СВЕТА»

Странные события разыгрались не так давно в семействе ветеринара Дмитрия Сергеевича Мурлаги. Семейство это проживает в небольшом среднерусском городке Свияге. Этим летом Дмитрий Сергеевич вместе с дочерью Машей, которой всего лишь девять лет, отправился в Москву, так как давно обещал ребенку посетить зоопарк. Отправились они в столицу на собственном автомобиле, «Жигулях» девятой модели. После проведения означенного мероприятия ребенок захотел кушать, и отец предложил пообедать в «Макдоналдсе». Однако Маша идти туда не захотела, заявив, что бывала в нем много раз и чизбургеры ей надоели. Удивленный отец поинтересовался, когда это Маша посещала «Макдоналдс», ведь в Москве она первый раз. Ребенок несколько растерялся, но все же сообщил, что бывал в кафе «в прошлой жизни», что еще больше удивило Дмитрия Сергеевича. Вдобавок Маша заявила, что лучше бы им перекусить дома. Когда ветеринар заметил, что до дома несколько сот километров и вернутся они туда в лучшем случае лишь к ночи, Маша отвечала, что имела в виду вовсе не Свиягу, а Москву, где и проживала до последнего времени. На вопрос отца, где именно она жила, девочка уверенно назвала адрес: Кутузовский проспект… Решив уличить дочь во лжи, пытливый ветеринар отправился по этому адресу, и, к его удивлению, Маша, напомним, впервые посетившая столицу, уверенно указывала направление движения, а когда они подъехали к нужному дому, спокойно вышла из машины и направилась к нужному подъезду. Заинтригованный папаша последовал за ней. Девочка вместе с отцом вошла в лифт, поднялась на седьмой этаж и нажала кнопку звонка одной из квартир. Мурлага не знал, что и подумать. Когда дверь

отворилась, Маша бросилась к открывшей ее девочке, стала целовать ее, называла малюткой, словом, выказывала нежные чувства. Ничего не понимающий ребенок поднял крик. На шум прибежали две женщины: молодая интересная дама и ее мать. Донельзя сконфуженный ветеринар совершенно растерялся, а Маша вела себя, будто бывала здесь тысячу раз. Она называла женщин по именам, причем пожилую еще и мамой, интересовалась, как они живут, и вообще вела себя как дома. Так, она потребовала, чтобы ее немедленно накормили. Вместо этого хозяева бросились звонить в милицию. Однако Мурлага сумел уговорить их пока что этого не делать.

Он показал документы, извинился и сообщил обстоятельства их нежданного появления, объяснил, что Маша ранее никогда в Москве не бывала, однако уверенно ориентируется и привела его именно в эту квартиру, утверждая, что проживала в ней в прошлой жизни. О чем идет речь, он не может объяснить и просит извинить их за беспокойство. Женщины были изумлены. Оказалось, примерно с год назад глава семейства, предприниматель Н., был убит возле своего подъезда. И вновь их подозрения усилились, и они опять решились звонить в милицию. Однако Маша рассказала, при каких обстоятельствах покойный Н. познакомился со своей будущей женой, сообщила подробности их свадьбы и, наконец, некоторые интимные моменты первой брачной ночи, которые были известны только им двоим. Присутствующие не знали, что и думать. Однако Машу накормили, причем она потребовала блюда, которые до этого не только не пробовала, но даже не знала об их существовании, например, лобстеров. Несмотря на протесты отца, девочка также выпила рюмку французского коньяка и закусила ее ломтиком лимона. Но самое удивительное было впереди. Маша сказала, что в свое время спрятала в квартире крупную сумму в иностранной валюте, и показала место. Тут уж все были действительно потрясены и напуганы. Шокированный отец хотел ретироваться, но это оказалось не так просто. Машу обнимали, целовали, требовали рассказать, что с ней произошло после смерти. Однако девочка оставила этот вопрос открытым, зато сообщила, что знает, кто ее убил и почему. К сожалению, следственные органы не принимают во внимание показания выходцев с того света.

А дальше события развивались поистине в калейдоскопическом темпе. Мы забыли сказать, что ветеринар Мурлага тоже был вдовцом. Несколько лет назад он потерял жену, скончавшуюся по причине перитонита. Вдова предпринимателя Н., его теща и дочь слезно просили Машу немного пожить у них. Не в силах отказать скорбящему семейству, ветеринар согласился, хотя и был донельзя сконфужен. Однако Маша, напротив, вела себя совсем по-хозяйски, словно жила в квартире давным-давно. Постепенно освоился и

Дмитрий Сергеевич, причем настолько, что вскорости предложил неутешной вдове руку и сердце, на что она охотно согласилась.

Согласись, читатель, эта история выглядит просто невероятно, однако она – подлинная правда. Чего только не бывает в нашем мире.

Прочитав занятную статейку, Бурышкин не поленился отправиться в редакцию таблоида, нашел журналиста, ее писавшего, убедился, что тот ни на йоту не соврал, выяснил адрес таинственной Маши, но отправляться туда до поры не спешил. Вместо этого он принялся собирать информацию о подобных случаях, как будто подтверждающих существование реинкарнации. Благодаря его обширным связям в самых разных кругах сделать это оказалось довольно просто. Вот лишь некоторые факты, которые ему удалось раскопать.

Рассказ полковника В.Г. Алтынова, в годы Отечественной войны летчика-истребителя:

До конца войны оставалась пара месяцев. Базировались мы тогда на большом немецком аэродроме неподалеку от Данцига. Хотя взлетная полоса была частично повреждена при бомбежках, взлетать с нее все-таки можно, однако, нужно заметить, летали мы немного, поскольку к тому времени имели в воздухе максимальный перевес перед немцами. Правда, они продолжали драться так же ожесточенно, как обычно, а возможно, еще свирепей. Ведь дни их были сочтены. Как-то раз эскадрилья, которой я командовал, барражировала вдоль балтийского побережья. Вокруг было чисто, то есть ни одного вражеского самолета не наблюдалось. Вдруг с земли команда: «Внимание, в вашу сторону движутся шесть «мессеров» «сто девятых». И точно! Вот они, голубчики. Против солнца заходят, с северо-востока… Думают: проморгаем их появление. Однако мы их уже ждем. И завертелась карусель! Мы во внешнем круге, потому что нас больше, – они во внутреннем. Короче, зажали их. Представьте, оба круга вращаются в противоположных друг другу направлениях, а два наших «Яка» наверху. И время от времени они пикируют сверху на немцев. Тогда оба круга разрываются, одни стараются увернуться, другие – сбить их. Короче, подбили один «мессер». Он задымил и пошел вниз. Немецкий пилот выбрался из кабины, и вот уже под нами раскрывается белый купол парашюта. Неожиданно он вспыхивает, не знаю уж, по какой причине, и летчик, объятый пламенем, камнем

летит к земле…

Дальше началось твориться непонятное. Мой ведомый, Костя Хорохорин, который, собственно, и сбил «мессера», ходит как в воду опущенный. Не пойму почему. Ведь радоваться нужно! Вижу, переживает, но в чем причина? Немца, что ли, жалко? Так он не первого сбивает. Спрашиваю, чего, мол, посмурнел? Молчит. И вот еще какая странность. У него вроде нарушилась координация движений. То вдруг руками начинает размахивать невпопад или идет куда и вдруг встанет как вкопанный, словно забыл, в какое место направлялся. И по-прежнему все – молчком.

Ночевали мы в общежитии для пилотов, прямо возле аэродрома. Немецкое, понятно, общежитие, типа гостиницы с двухместными номерами. После землянок и блиндажей – рай земной. Горячая и холодная вода из кранов бежит. Белоснежные ванные и унитазы. Люстры висят… Одним словом, комфорт. Приняли мы за ужином положенную наркомовскую сотку и отправились спать. А я с Хорохориным в одном номере жил. И вот слышу сквозь сон, кто-то рядом по-немецки разговаривает, а потом вдруг как заплачет. Навзрыд прямо ревет. В чем, думаю, дело? Может, к нам какой диверсант залез, но почему рыдания? Включил свет, оказалось, это Костя стенает. Ничего понять не могу. Хорохорин – нормальный мужик, сибиряк из Читы, нрава несколько грубоватого, матерщинник, каких поискать. И вдруг – рыдания! Тут он опять по-немецки залопотал, да складно так. А я знаю на сто процентов, иностранными языками мой Костя не владеет. О чем он толкует, не могу понять. Только часто повторяет «муттерхен», мамочка, значит. И тут до меня доходит: свихнулся парень! На фронте это случалось. Не скажу, чтобы часто, но два случая я видел. Оделся, пошел за врачом в санчасть. А время – ночь кромешная. Ну, растолкал того, привел в номер. Врач наш, по фамилии Бернштейн, хороший, кстати, человек и не дурак выпить, по-немецки понимал. Костя знай себе лопочет и слезами заливается. Бернштейн послушал, послушал, да и говорит: Хорохорин, мол, точно чокнулся. Немцем себя считает. Матери своей жалуется, как ему плохо. Прощения просит, что не смог себя уберечь. Один он сын… Похоже, из дворянской семьи. И на нем их древний род пресекся. Ну и так далее в том же духе.

Тут вдруг с нашим Костей новые пертурбации начались. Внезапно прекратил он по-немецки болтать и на родную речь перешел. Вытаращил свои поросячьи глазки и кричит:

– Выньте его из меня! Уберите к такой-то матери!

– Кого, Костя, убрать? – спрашиваю.

– Да немчуру эту проклятую, которую я сегодня сбил. В меня, понимаешь, влез и покою не дает.

– Шизофрения, – шепчет Бернштейн, – раздвоение личности.

Костя услышал.

– Думаете, – говорит, – я……? Вот вам…! Эта фашистская сволочь меня захомутала. Душа его во мне, или уж не знаю, что там еще…

И тут он понес и Гитлера, и Геринга, и вообще всю Германию с помощью, как сейчас выражаются, ненормативной лексики. Причем во всю свою сибирскую голосину. Понятное дело, на шум народ сбежался, пришел командир полка… Все в полном недоумении и как бы в легкой панике. Действительно, явление с научной точки зрения объяснить весьма трудно. Но на войне, как известно, постоянно случаются всевозможные происшествия, не всегда поддающиеся разумному объяснению. Но комполка, бывалый вояка, за четыре года такого насмотрелся, что ни ад, ни дьявол ему не страшны. Первым делом комполка удалил всех лишних, остались лишь я с доктором. А Костя тем временем опять на вражеский язык перешел. Командир потребовал перевести, что он такое лопочет. Оказалось, ничего нового. Все те же драматические страдания.

– А нельзя ли вступить с ним в беседу? – спрашивает он у Бернштейна.

Доктор как ни старался, ничего у него не вышло. Либо немец этого не желал, либо просто не получалось по техническим причинам.

– Хорошо, – говорит комполка. – Тогда попробуем по-другому. (А нужно сказать, Костя по-прежнему сидел в кальсонах на своей кровати.)

И как рявкнет:

– Встать, товарищ старший лейтенант!

Костя не реагирует. Командир снова:

– Встать сейчас же, так тебя, растак!!!

Он хоть и интеллигентный человек был, но при необходимости мог выражаться не хуже Кости.

Хорохорин вроде бы слегка встрепенулся. Словно дрожь по телу пробежала.

– Действует, – шепчет Бернштейн. – Может быть, еще раз попробовать?

– Встать, негодяй!!! – заревел комполка. – Как смеешь ты сидеть в подштанниках в присутствии старшего по званию?!!

И, видать, пробило моего Костю. Вскочил он, зенки выпучил, комполка взором ест.

– Докладывай… Что с тобой такое происходит?

– Немец в меня вселился, товарищ подполковник. На посадку когда заходил… Вроде как мгновенный обморок. Очнулся, двигатели уже заглушены. Видать, он и посадил. Моими руками…

– Ты его слышишь?

– Никак нет. Только чувствую присутствие. Как если бы в соседней комнате радио играет. Бормотание какое-то…

– А как же ты тогда определил, что это немец?

– Запах от него идет такой… не знаю, как сказать… Не наш, короче.

– Запах?! Ты вот что, Хорохорин… Договориться с ним попробуй, уж как, не ведаю, только постарайся. А то неприятности большие могут быть. До особого отдела армии дойдет, тогда сам понимаешь, какие последствия будут. Ты соберись. Ведь советский офицер. Победитель! От полетов тебя пока отстраняю.

И заключаю под домашний арест, а то мало ли чего он может натворить, – комполка хмыкнул, – твоими руками. А вы, доктор, будете постоянно находиться при Хорохорине. К двери часового поставим. Чтобы в случае необходимости пришел на помощь. А ты, Хорохорин, если хочешь, чтобы все хорошо закончилось, выдавливай из себя врага. Любыми способами!

Комполка удалился.

Бернштейн растерянно смотрит то на Костю, то на меня. А Костя примолк, улегся на койку и натурально захрапел.

– Что же делать? – спрашивает Берштейн.

– Спать, – отвечаю. – Завтра разберемся. Ложись, Самуилыч, на мою койку, коли тебе при нем находиться приказали, а я в другой номер ночевать пойду.

Наступило утро. Я первым делом проведать своего ведомого и Бернштейна. Что там у них за ночь нового случилось? Оказалось, ничего нового не произошло.

– Костя, – рассказывает Бернштейн, – пару раз ночью вставал. Вскочит и по-немецки начинает жаловаться на свою судьбу, войну проклинать. А раз стал недоумевать: как это его в русское тело занесло? Почему не в рай попал или хотя бы в преисподнюю, а именно в того, кто его убил. Я с ним пытался поговорить – ничего не выходит. Или не слышит, или игнорирует как низшую расу. Тут у меня одна мысль родилась, Витя, – обращается он ко мне. – Может, тебе она странной покажется.

– Ну, выкладывай.

– А что, если нам Хорохорина напоить?

– Это еще зачем?!

– Я как рассуждаю. Может, алкоголь подавит личность этого немца, а Костя, наоборот, проявится. Ведь немец, можно понять, не из простых, водку трескать не привык… Так вот, мы его одним стаканом оглушим, а вторым – прикончим.

– Мысль, конечно, интересная, но почему ты, Самуилыч, думаешь, будто немец пить не умеет? Мало ли что – из дворян. Дворяне, знаешь, тоже всякие бывают. Впрочем, почему бы не попробовать. Только нужно комполка доложить и разрешение от него получить на всякий случай.

Мы так и сделали. Командир тоже несколько засомневался… Он даже предположил, что все происходящее – розыгрыш с целью организовать грандиозную пьянку. Однако, зная Хорохорина и понимая, что даже ради подобного мероприятия Костя вряд ли сумел бы в столь короткие сроки выучить язык, комполка дал добро на проведение эксперимента. Нужно заметить, все в полку были осведомлены о происходящем и с интересом следили за развитием событий. Короче, мы принесли Хорохорину в номер бутылку, кусок вареного мяса и соленый огурец, налили граненый стакан и вручили его страдальцу. Он долго ворочал глазами, вроде не понимая, что и зачем, потом разом ахнул стакан, закусил и вновь улегся. Через некоторое время его «понесло». Вначале, по своему обыкновению, он начал по-немецки жаловаться на судьбу и просить прощения у матери, потом слезливое настроение сменилось приступом идиотической веселости, немец затянул какую-то игривую песенку, однако пел недолго, поскольку впал в ярость, стал выкрикивать ругательства вперемешку с воинственными призывами.

– Нужен еще один стакан, – предположил Бернштейн.

Вторая доза уложила немца наповал, зато наш друг Хорохорин «вынырнул на поверхность». Язык у него тоже слегка заплетался, однако он рассуждал вполне разумно, не в пример немцу. Идею с водкой он очень даже одобрил, правда, усомнился, долго ли сможет выдержать подобный эксперимент.

– Ведь если в течение месяца лакать ее, проклятую, стаканами – белая горячка может случиться, – справедливо заметил он.

– Ты уж, дорогой, выбирай, что для тебя лучше: delirium tremens[7 - Delirium tremens (лат.) – дословно: «дрожательный бред» – белая горячка.] или трибунал, – веско заметил Бернштейн.

– При чем тут трибунал?! – воскликнул Костя.

– А при том! В особом отделе в мистику и переселение душ практически не верят. Тут и так уж все утро особист крутился. Расспрашивал: что да как?

– Эх, ядрит твою… – только и мог сказать Костя.

Однако, к нашему удивлению, ситуация понемногу начала выправляться. Немец приумолк. Не то он страдал от похмелья, не то просто решил отдохнуть и осмотреться. Лишь изредка из Костиного рта вырывалось невнятное немецкое ругательство. Сам же Хорохорин все больше молчал, но лекарство продолжал принимать исправно.

– Еще немного… – говорил он отрывисто. – Еще немного, еще чуть-чуть… Утоплю гада!

Все случилось на девятый день. Часов в двенадцать дня Хорохорин неожиданно вскочил с кровати. Выглядел он неважно: опух, словно его пчелы искусали, глаза превратились в две щелки, морда – как кусок сырого мяса.

– Все! – орет. – Все! Вышел!

– Точно?! – строго спрашивает Бернштейн.

– Сто процентов! Отмучился, слава тебе господи. Напоследок что-то такое сказал, частью по-нашему, частью по-ихнему; вроде того: чтобы тебя черт побрал! И испарился.

– И куда же он, по-твоему, подался? На небеса или в ад? – ехидно так спрашивает Бернштейн.

– А мне, товарищ военврач, все равно, – спокойно отозвался Хорохорин. – Одно только могу сказать: неплохо мы с ним время провели. – И он выразительно подмигнул мне.

Подобных рассказов Бурышкин собрал предостаточно. Чего, например, стоят свидетельства Марии Осиповны Мочалиной о случае с ее свекром или драматическое повествование старого уголовника Егора Ивановича Мирошкина

по кличке Болтик о событиях, произошедших в 1951 году на знаменитой Серпантинке. Но все это лишь более или менее правдоподобные истории, которые случились отнюдь не с ним и даже не с самими рассказчиками, а с их знакомыми или родными.

Никифор Митрофанович желал на собственном опыте убедиться, что вся эта на первый взгляд безумная чушь имеет под собой реальную почву. Однако, как известно, в одиночку и батьку бить несподручно. И Бурышкин принялся искать единомышленников. Нужно сказать, в наше веселое время всяческих ясновидящих, парапсихологов и оккультистов развелось предостаточно. И практически каждый, к кому он обращался за советом и помощью, гарантировал общение с потусторонним миром. Любую личность с того света готовы вызвать – только плати. Желаешь пообщаться с покойной тещей – нет проблем. А если Марь Ванна тебе и при жизни надоела, что ж, пожалуйста, для жути Иосифа Виссарионыча подгонят или, там, Лаврентия Палыча… И вовсе не дорого! Что теща, что усопшие вожди – цена одна.

Однако Бурышкин был тертым калачом и аферистов распознавал с первого взгляда. Поэтому решил осваивать тайную доктрину самостоятельно. Для начала он выписал с Алтая потомственную шаманку Катю и поселил ее в своей квартире, благо свободного места в ней имелось много. Катя, немолодая, дородная женщина с плоским и невозмутимым, как у каменной бабы, лицом, охотно приехала в столицу. В Москве ей очень нравилось, хотя на улицу Катя долго выходить не решалась. Целыми днями она сидела на кухне, курила коротенькую, причудливо изогнутую трубку с медной крышечкой и неотрывно смотрела в окно на нескончаемый поток машин, изредка бросая отрывистую фразу на родном языке.

Бурышкин и сам не знал, чего он ждет от Кати. По-русски шаманка говорила хотя и неплохо, но неохотно. Все больше молчала. Если не смотрела в окно, то таращилась в телевизор. По-видимому, ей было все равно, какая передача идет по ящику, поскольку она с одинаковым вниманием смотрела и хоккей, и КВН. Только мультфильмы, особенно про животных, заставляли ее оживляться. Катя напряженно следила за волком, преследующим зайца, и время от времени издавала некие гортанные звуки, выражающие не то одобрение, не то тревогу. Приключения горемычной Серой Шейки заставляли ее изредка вздыхать, а Снежная Королева, напротив, сердила.

Еще шаманка любила покушать. Всем остальным блюдам предпочитала она пельмени, а особенным лакомством считала консервы «Лосось в собственном соку». Бурышкин, как мы уже отмечали, в средствах не нуждался и поэтому на содержание Кати денег не жалел. Жила Катя в Москве уже три месяца и уезжать назад на Алтай, как видно, не собиралась.

Помимо Бурышкина и шаманки, в полупустой квартире обитали одинокая старуха – еврейка Фира, и семейство Хлоповых, состоящее из мужа Васи – водителя троллейбуса, жены Веры – продавца в универсаме, и пятилетнего Пашки, их сына. Фира хотела отправиться на постоянное место жительства на историческую родину, но все никак не решалась. Родственников в Израиле у нее не было, и поэтому переселение старуху страшило. Кроме того, Фира не теряла надежды разыскать своего младшего брата, пропавшего во время войны. Искала она его уже свыше пятидесяти лет, но до сих пор безуспешно.

Историю про ее брата знали все соседи. До войны ее семейство проживало в маленьком городишке в Белоруссии. Началась война. Отца, мать и старших братьев немцы расстреляли сразу, а Фиру с братом (ей тогда было двенадцать лет, а брату – пять) отправили в минское гетто. Фира хотя и была еще ребенком, но прекрасно понимала, что их ждет. Поэтому она решила во что бы то ни стало вытащить брата из гетто. Первое время гетто охраняли не очень хорошо, и в основном не немцы, а местные полицаи. Сбежать из него было не так уж и сложно. Вот только бежать было некуда. В любом случае – ждал расстрел. Большинство местных жителей не желало бесплатно кормить, а тем более укрывать евреев, а партизанам было не до них. Поэтому некоторые беглецы, побродив по лесам пару месяцев, возвращались назад в гетто. Отдельные предприимчивые жители Минска и окрестных деревень, дав взятку полицаям, свободно проходили в гетто и меняли продукты исключительно на золото. У Фиры чудом сохранились материны золотые часики и обручальное кольцо. Поэтому она решила попробовать договориться с каким-нибудь маклаком, внушавшим хоть малейшее доверие, чтобы он вывел братика (его звали Иосиком). Ей приглянулся немолодой однорукий дядька-белорус, и Фира робко подошла к нему.

– Покажь мальчонку, – потребовал мужичок.

Иосик ему понравился. Он вовсе не походил на еврея, поскольку был светловолос и сероглаз. Дядька забрал у Фиры золото и вывез братика, спрятав в телеге под ворохом соломы. Однорукий еще несколько раз появлялся в гетто и

сообщил Фире, что Иосик живет у него в доме, в деревне Заречье, находившейся недалеко от Минска.

Очень скоро режим в гетто ужесточился, и маклаков перестали пускать на его территорию. Вскоре удалось бежать и Фире. В одну из зимних ночей она и еще несколько подростков пролезли под колючую проволоку. Фира попала к партизанам и пробыла в отряде до самого прихода Красной армии. В октябре сорок третьего немцы ликвидировали минское гетто, уничтожив последних его обитателей.

Сразу после освобождения Белоруссии Фира принялась искать братика. Однорукого мужика в Заречье помнили, но куда он делся – никто не знал. Одни говорили, что его расстреляли немцы за связь с подпольем, другие утверждали, что он просто сбежал с нажитым неправедным путем золотишком. Об Иосике же вообще никто ничего не знал. Мальчик словно в воду канул. С тех пор вот уже более пятидесяти лет Фира безуспешно разыскивала Иосика.

Шаманка Катя вначале вызывала у соседей Бурышкина нечто вроде оторопи. Особенно опасалась ее Вера Хлопова.

– Захожу утром на кухню, – рассказывала она продавщицам в своем универсаме, – сидит! А темно еще… Она у окна, вроде чудище какое-то. Я – «здравствуйте». Она буркнула что-то. Начинаю Ваське завтрак готовить… Сковородкой специально гремлю, думаю: может, уйдет? Нет, все сидит. На меня даже не смотрит, в окно пялится. А чего там такое видит, ведь темень? А то в мою сторону повернется, рожа как блин, и буркалы свои косые таращит. Или вдруг ночью, опять же в кухне, начинает чего-то шуметь и ругаться по-своему. Я уж Никифора Митрофановича по-хорошему просила ее унять, обещался приструнить…

Однако вскоре все изменилось.

Первый наладил контакт с шаманкой Пашка Хлопов. Чем уж привлекла Катя пятилетнего пацана, осталось тайной, однако Пашка, когда не был в садике, постоянно вертелся на кухне или в комнате Бурышкина, где попеременно находилась шаманка.

– Чего ты к ней липнешь? – ревниво спрашивала Пашку мать.

– Она добрая, – доверчиво отвечал малыш.

– Чем уж такая добрая? Бабайка и есть бабайка.

– Добрее всех вас. Не сердится никогда… И слова разные знает…

– Какие еще слова?!

– Не знаю, как сказать… Слова такие, специальные… Скажет, и вроде в другое место идешь. В лес, на полянку… Не в город.

Вера только плечами пожимала. Скоро она заметила: в присутствии Кати Пашка никогда не капризничал, не куксился, даже если его ругали.

Потом к шаманке потянулась Фира. Вначале она тоже с подозрением косилась на Катю, слегка напуганная ее странным видом и поведением, но однажды они разговорились. Вернее, говорила в основном словоохотливая Фира, шаманка лишь вставляла отдельные слова. Фира ни с того ни с сего рассказала Кате всю свою жизнь. И про детство, которое кончилось в сорок первом году, и про оккупацию, и про гетто, и про поиски братика…

– Найти можно, – односложно заявила Катя.

– Как тут найдешь? – рассердилась Фира. – Разве можно так говорить?! Я всю жизнь на это убила… Его, наверное, и в живых нет.

– Надо посмотреть. Если умер, найти проще.

Фира в страхе отпрянула от своей слушательницы. Древний библейский ужас исходил от шаманки, и старуха-еврейка его явственно ощутила.

Фира убежала в свою комнату, но и там не нашла успокоения. Некоторое время она лежала на койке, охая и хватаясь за голову, потом вновь бросилась на кухню. Катя все так же безучастно смотрела в окно.

– Можешь его найти?! – напрямик спросила Фира.

– Фотографию нужно.

– Нет у меня фотографии! Ничего не сохранилось.

– Вещь какую.

Фира вспомнила про оловянного солдатика – единственную память о брате. Она протаскала солдатика в кармане всю войну. Когда было особенно трудно, она доставала солдатика и всматривалась в едва намеченные черты оловянного лица, стараясь вытащить из памяти облик братика.

– Есть! – воскликнула она. – Есть одна штучка!..

Шаманка некоторое время вертела солдатика в коричневой морщинистой руке, словно стараясь нащупать нечто, ведомое ей одной.

– Можно попробовать, – наконец сообщила она. – Ночью… Ночью легче. Духи помогут.

Фира смотрела на Катю взглядом, в котором смешались страх и надежда.

Ближе к ночи Катя пришла на кухню, облаченная в весьма экзотический наряд. До сих пор ничего подобного никто из соседей не видывал. В обычное время шаманка ходила по квартире в стареньком ситцевом платье и теплых домашних тапочках. Сейчас же на ней был длинный кожаный кафтан, украшенный множеством ленточек, которые при ближайшем рассмотрении напоминали вырезанные из ткани изображения змей. Можно было даже различить их головки с двумя глазами. Кроме ленточек, на кафтане имелся маленький лук со стрелами. На спине кафтана были пришиты шкуры каких-то мелких животных, скорее всего белок и горностаев, а кроме них – два медных диска. По вороту кафтана шла бахрома из совиных перьев. Спереди, на груди, слева и справа имелись две маленькие уродливые маски. На голову Катя надела остроконечный колпак, на который были нашиты маленькие колокольчики и идеально отполированные медные пластинки. В руках шаманка держала бубен. Бубен тоже украшал довольно сложный рисунок, а также разноцветные ленты и колокольчики.

Кроме Кати, на кухне присутствовали Никифор Митрофанович и Фира. Бурышкин предварительно испросил разрешения.

– Камлать буду, – сообщила Катя. – Когда камлать, народ не мешает. Только кричать не нужно. Смотри и молчи. Даже если страшно будет, все равно старайся не говорить.

В этот момент на кухню зашла Вера Хлопова.

– Что тут у нас происходит? – с ходу поинтересовалась она.

– Фириного брата искать будет, – пояснил Бурышкин. – Смотри, если хочешь, только тихо.

– Ой, я боюсь!

– Ну, тогда иди к себе.

– Так интересно же!

– Хочешь, оставайся. Только молчи.

Тут Катя взмахнула бубном и что-то негромко произнесла. Потом посмотрела на собравшихся. Тусклая лампочка под потолком освещала напряженные, взволнованные происходящим лица. С улицы доносился непрерывный гул несущегося мимо транспорта.

– Пашка проснется, – невпопад сказала Вера.

– Нет, мальчик будет спать, – ответила Катя. – Он не будет мешать. Я иду в Нижний мир, буду смотреть Фирин братик Иоська.

Она вновь ударила в бубен и стала произносить непонятные слова, похоже, заклинания. Потом замолчала, но била в бубен непрерывно, не очень сильно, звук, идущий от бубна, был гулок и объемен, напоминая скорее тяжелые вздохи неведомого животного. Мелодично позванивали колокольцы, медные бляшки наполнили кухню мельканием световых бликов. Вдруг к вздохам бубна

прибавился еще какой-то звук вовсе непонятного происхождения. Потом до присутствующих дошло: его издает Катя.

– Горловое пение, – тихо произнес Бурышкин.

– Страсти-то какие, – отозвалась Вера Хлопова.

Звук внезапно оборвался, но тут шаманка заговорила на каком-то более или менее знакомом языке, похожем на немецкий. Фира подалась вперед, но шаманка взмахом руки остановила ее. Она вновь что-то коротко и отрывисто произнесла. И тут все присутствующие вдруг ощутили, что, кроме них, на кухне присутствует нечто иное, необъяснимое и неосязаемое, но тем не менее вполне конкретное. Какой-то чуть слышный шелест вдруг пронесся из угла в угол. Катя что-то резко и грубо произнесла мужским голосом и замахнулась бубном на кого-то невидимого. Лампочка внезапно замигала, готовая вот-вот потухнуть. Вера метнулась к выходу.

Тяжкий вздох раздался на кухне. От этого звука звякнула посуда и задрожали расшатанные зимними ветрами за невесть сколько лет оконные стекла.

Катя прекратила камлать и взглянула на Фиру.

– Нету там его, – отрывисто произнесла она.

– Ты хорошо искала?

Катя засмеялась:

– Лучше не бывает. Там не нужно искать, – непонятно ответила она. – Можно сходить в Верхний мир. Он – маленький, грехов на нем нет. Может, там сидит.

– Откуда ты идиш знаешь? – удивленно спросил у Кати Бурышкин.

– Какой такой идиш?

– Язык еврейский. С кем ты на нем говорила?

– С одним там… Сюда просился.

– Ты можешь материализовать потустороннюю сущность? – не отставал Никифор.

– Непонятно говоришь. И не мешай, я должна закончить начатое.

Бурышкин примолк. Фира тихо плакала. Потрясенная Вера стояла с разинутым ртом.

Катя вновь ударила в бубен. На этот раз звук казался мягче и уже не походил на вздохи. Скорее он напоминал мелодичный рокот горного ручья. Колокольчики звучали нежно и убаюкивающе, а блики света от блях колпака напоминали весенних, солнечных зайчиков. Душная кухня вдруг наполнилась запахом цветущих яблонь.

Катя вновь произнесла несколько слов, но не на идиш, а на каком-то ином, похоже, восточном языке, на этот раз мягко и просительно. По-видимому, она получила ответ, потому что перестала бить в бубен, утерла пот со лба и засмеялась.

– Что?! – отрывисто спросила Фира. – Говори, что?!

– И там его нет, – спокойно сообщила Катя.

– Как же это понимать?

– Среди живых искать надо.

– Уж сколько лет я это делаю. Безрезультатно.

– Ладно, попробую и в этом помочь. Только может не получиться. Фотография надо.

– Где же ее взять?

– Иди, спи. Завтра говорить будем.

Стояла глубокая ночь. Катя все возилась в своем углу, кряхтела, что-то еле слышно бормотала… Не спал и Никифор. Он размышлял о только что виденном и слышанном. Результат был нулевым, но само камлание впечатляло. До сих пор Бурышкин только слышал о подобных вещах. А тут, прямо на глазах, в обычной коммунальной московской квартире… Нет, не зря он привез Катю с далекого Алтая!

– А скажи, Катя, – наконец не выдержал Никифор, – разве один и тот же шаман может проникать и в Верхний, и в Нижний миры?

– Не всякий, – тут же отозвалась шаманка, словно ждала вопроса. – Есть черный кам, есть белый… А есть и тот и другой вместе… в одном. Вот я такая. Могу и туда ходить, и сюда.

– Ну вот скажи, что там в Нижнем мире? Как он выглядит?

Катя засмеялась:

– Как выглядит? На Москву похоже… Вот как сейчас. Ты выгляни в окно. Грязь кругом, и света ясного нет. Полумрак. Костры горят. И все непрерывно двигается. Точно как здесь. Холодно там… и скучно. – Она немного подумала. – Запах еще плохой…

– А вот Фирин брат… Может, ты плохо его искала?

– Как это искала? Его не нужно искать. Если нет, значит, нет.

– Но как же?.. Насколько я понимаю, там несчетное число народа. Как можно узнать за несколько минут, есть он тут или нет.

– Ты смешной. Как собака знает, есть в лесу зверь или нет. Знает, и все тут! Чует!

– Ну ладно, допустим… А Верхний мир? Там как?

– Ой, хорошо! Тоже похоже на землю. Только лето… Или весна. Цветет все… – Шаманка долго молчала, и Бурышкин решил, что она заснула. И вдруг Катя снова подала голос:

– У каждый место есть свои духи. На Алтае свои, здесь свои. Я когда сюда поехала, двух своих самый сильный с собой позвала. Видел на мой шуба два лица? Они. Им тоже интересно в другой место побывать. Хотя они могут хоть куда ходить, но земля большой, всюду в одно время не будешь. Вот вместе и приехали. Но им тут не нравится. Ушли домой, почти сразу. Почему? Дух тоже свое место любит. Как бы дом. Тишину любит. А тут все крутится-вертится, как в Нижнем мире. Зачем ему так? Он не хочет. Если надо крутиться, он в Нижний мир опустится. Но он не любит там быть. Провести может, но все время там сидеть не хочет. Он хочет на своем месте, к который привык. Лес, озеро – вот его дом. И я отпустила. Пускай идут. Но сама еще не хочу уезжать. Мне тут пока нравится. Все другое. Интересно. А духов и своих тут хватает. Вот я с ними и познакомилась. Вначале они привыкали ко мне, испытывали моя сила. Я говорю: служи мне! Некоторые не хотели, ругались… Откуда, говорили, ты взялась на наша голова. Я все равно заставила. И вот сегодня проверила. Как они мне помогать будут. Ничего, хорошо получилось!

– Скажи, Катя, почему не все духи живут в Нижнем мире? – задал Бурышкин вопрос, который его давно мучил.

– Разный причина. Кого-то не пускают ни туда, ни сюда, вот он между небом и землей крутится. Кто сам не хочет, есть и такие. Но большинство ждет, когда о них вспомнят.

– Кто вспомнит, Катя?

– Кому надо. И вверху, и внизу, и здесь тоже.

– Как это понять: здесь?

– Может, они кому еще нужны. Человеку какому. Ну вот как мне. Если они на благо служат, им зачитывается. Если во вред – тоже.

– Значит, ты можешь помочь им обрести покой?

– Я не добрый и не злой. Вот как нож. Им можно хлеб резать, а можно и человек. Я только нож. В чьи руки он попадет, тот и решает их судьбу. Сегодня этой старуха помогла… Ну, не совсем помогла. Завтра какой плохой дело сделаю. Не от меня зависит.

– А от кого?

Шаманка вновь тихо засмеялась:

– Думаешь, не знаю, зачем ты меня сюда позвал? Знаю. Ты все слава ищешь. Не молодой юнош, а покоя не находишь. Первый хочешь быть. Как это называется? Суета! И что дальше случится, знаю. Так вот. Чужие судьбы зависеть будут от тебя и от тех, кто будет рядом с тобой. Ты о них еще не знаешь, но они скоро придут к тебе. Очень интересно будет. Тебе понравится. Поэтому я с тобой и сижу.

– Что будет? Расскажи подробнее! – подался вперед Бурышкин.

– Нельзя. Как русские говорят: «Много будешь знать, скоро состаришься».

– Да я и так старый.

– Не спеши, парень: все в свой время.

ГЛАВА 5

А теперь пришло время напомнить читателю о существовании нашего подающего надежды журналистика Пашки, то бишь Павла Мерзлова. Дни шли за днями, но ничего экстраординарного больше не случалось. Павел выполнял рутинную работу, строчил репортажи, заметки, информации и даже накропал материал (с претензией на аналитику) о влиянии погодных условий на рост преступности в Юго-Западном округе столицы. Редактор материал одобрил, заметив: «Павел Борисович растет на глазах».

Однако события, случившиеся с ним, не шли из головы. И поделиться было опять же не с кем. Поручик Голицын, который натолкнул нашего героя на далеко идущие выводы, последнее время не расположен был вступать в дискуссии. Он вообще пребывал в упадническом настроении, поскольку шеф пригрозил немедленно его выгнать, если хоть еще раз заметит на работе в нетрезвом виде. Не употреблять алкоголь Поручик Голицын не мог, но пить свою обычную норму опасался, зная, что шеф сдержит свое слово. Малые дозы вызывали у него лишь озлобление и сильную жажду. Злоба и уныние были написаны на обычно добродушном лице. Даже усы, в иные времена лихо подкрученные, удрученно обвисли. На Павла он даже не смотрел, не без оснований видя в нем непосредственного конкурента, поскольку, сообщая Поручику Голицыну о намерении избавиться от него, шеф добавил, что редакции вполне достаточно одного хроникера уголовной тематики.

Но даже если бы отношения между ними оставались по-прежнему теплыми, разве можно внятно рассказать о залитой кровью кровати, на которой он лежал рядом с трупом, а Павел не сомневался, что это действительно был труп. Или об этой троице монстров, представившихся сотрудниками правоохранительных органов. Как пил с ними на кухне абсент… Как потом трахался с этой лисой… или кошкой, кто она там… В галлюцинацию он не верил. С чего бы?.. В том, что это случилось на самом деле, Павел уже не сомневался. Даже мать заметила на его спине и плечах многочисленные царапины, идущие параллельно друг другу.

– Эта, твоя?.. – презрительно спросила она, имея в виду Лильку. – Ну и ну! Вот стерва!

И матери ведь не расскажешь о случившемся. Подумает: с катушек съехал сынок. Оставалась Лилька.

Раз они сидели в ночном баре, попивали пиво, болтали ни о чем.

– А тебе текила нравится? – ни с того ни с сего поинтересовалась девушка.

Павел даже поперхнулся:

– Ты это к чему?

– Что значит – к чему? Просто спросила. – Лилька щурила узкие восточные глазки и загадочно усмехалась.

– У меня с текилой связаны не совсем приятные воспоминания, – решился Павел.

– Какие, например?

– Да было тут одно дельце…

– Расскажи?

И репортер уголовной хроники стал повествовать о своих приключениях. К его удивлению, Лилька вполне серьезно отнеслась к его рассказу. Возможно, она просто выпила слишком много пива. Девушка подробно расспрашивала о деталях сексуального контакта с лисой, выпытывала пикантные детали. Но что он помнил? Лишь смутные ощущения. А слова о том, как Павел оказался рядом с трупом, и вовсе привели ее в нездоровый восторг. Журналист только поражался Лилькиной реакции.

– Вот бы мне испытать нечто подобное! – воскликнула экзальтированная малютка.

– Ты что, дура?! Не дай бог!

– А почему нет?! Как в том фильме… Как он там называется?.. Не помню… Она просыпается, а рядом… Прямо мурашки по коже!

– Так ты думаешь: это взаправду было?

– Ну, ясное дело. А ты сомневаешься?!

– Да кто же они такие?

– Понятно кто. Демоны!

– Однако! Так сразу и демоны.

– А кто же тогда?

– Ну, я не знаю… Возможно, это действие текилы…

– Скажешь тоже. При чем тут текила? Сам же рассказывал… В квартире произошло зверское убийство… Сначала хозяин зарезал жену, а потом себя. Так, кажется…

– И что из этого следует?

– Вот они и приходили… демоны!

Павел покрутил пальцем у виска.

– К нам в бутик одна дама заходит, – начала Лилька. – Из очень богатых. И вот она рассказывала девочкам… И я тоже слушала… Будто есть такие силы… не силы… в общем, как она выразилась, сущности, которые могут человека… того…

– Бандиты, что ли? Киллеры?

– Скажешь, киллеры! Дурачок. Не киллеры вовсе, а эти самые…

– Да кто?! Говори толком!

– Давай лучше еще пива выпьем.

– Успеешь! Продолжай.

– Она говорила: допустим, тебя какой-то мэн не устраивает. Скажем, достал. Ну, муж, например. Или, там, по бизнесу конкурент… Что ты в таком случае делаешь?

– Без понятия. Я не бизнесмен.

– Лох ты, Пашка. А еще в газете работаешь. Про криминал пишешь. Если тебе человек надоел, ты его заказываешь.

– Это я знаю…

– Нанимаешь какого-нибудь быка или снайпера… Пиф-паф, и нет земели. Но, которые в ментуре, ясное дело, начинают рыть. И в конце концов ловят исполнителя, а через него выходят на заказчика. Дошло?

– Чего ты мне азбуку читаешь? Все это я проходил.

– Так вот, – понизила голос Лилька. – Эта дама утверждает, что можно прибегнуть к помощи нечистой силы. Есть такие люди, они помогут…

– И что же эта нечистая сила требует взамен? За работу то есть? Душу, что ли? – ехидно ухмыляясь, спросил Павел.

– Вот и мы задали тот же вопрос… Она такая: можно, говорит, и душу, даже не свою, а вроде как чужую. И все, знаешь, смехом, смехом… Ну и мы тоже посмеялись.

– Выходит, шутила?

– Вот не знаю.

– А кто она вообще?

– Я же говорю: навороченная. На тачке с шофером ездит. Лет ей, может, тридцать, а может, и все пятьдесят. Выглядит очень даже… Чем занимается, не знаю. Надо думать, основное ее занятие, когда не на Канарах и не в Акапулько, по магазинам разъезжать. Таких сейчас много развелось. – Лилька чуть слышно вздохнула, но Павел услышал.

– Что, завидуешь?

Девушка пожала плечами:

– Иногда. Легко они живут.

– Ты думаешь?

– Уверена. Все их проблемы: у кого авто круче или у любовника член толще.

Павел засмеялся:

– А может, она лесбиянка?

– Ты знаешь, возможно. Она со мной вроде заигрывала. То по ручке погладит, то за плечико тронет… И с другими девочками тоже. Эти старые сучки охочи до новых ощущений. С другой стороны, таким что мужик, что баба… Пресыщенки!

– Кто у нее муж?

– Фиг его знает. Какой-нибудь министр или олигарх. А может, криминальный авторитет. Она такая: мой Ванюша ни в чем мне не отказывает. Вся: сю-сю, ню-ню… Можно подумать, из графьев. А на самом деле бывшая лимитчица из какого-нибудь Урюпинска.

– Послушай, эти ее разговоры про нечистую силу… Ты ей веришь?

– Бред!

– А вдруг правда?

Лилька с насмешливой жалостью посмотрела на Павла:

– Эти, крутые, чего хочешь наврут, лишь бы их уважали… Даже не уважали: просто обращали внимание.

– Слушай, а ты не можешь меня с ней познакомить? – неожиданно спросил Павел.

– С чего это вдруг?! – удивилась Лилька.

– Интересно пообщаться.

– С ней-то? Да она дура дурой. Колхозница!

– Мне хотелось бы узнать: что стоит за этими разговорами о нечистой силе.

– Издеваешься, да?

– Кажется, я вышел на очень интересную тему. По-журналистски, конечно, интересную. А вдруг ее рассказы имеют под собой какую-то почву?

– Почву-херочву, – передразнила Лилька. – Туфта это все! Цену она себе набивает. Крутизну изображает.

– И все же…

– Да пожалуйста. Познакомлю, ежели желаешь. Визитка ее где-то валяется. Можешь к ней отправляться. Скажешь, мол, интересуюсь черной магией. Хочу с ее помощью сжить со свету одну взбалмошную девицу.

Павел засмеялся:

– Ну, чего ты несешь?! Если хочешь, поедем к ней вместе.

– А я-то тебе зачем?

– Для отмазки. Что же я без тебя буду делать? А так действительно придумаю какую-нибудь историю. Типа, хочу устранить конкурента. Помогите, и все такое. Тем более она тебя знает. Ко мне доверия больше будет.

– Ну, ты даешь! Кого это хочешь устранить? У тебя что, конкуренты появились?

– Какие у меня конкуренты. Так просто… Для проверки…

– А если сработает?

– Только что ты мне толковала обратное.

– Ну, мало ли… И потом, на кого ты все-таки порчу напустить собираешься?

Павел задумался. Да, на кого? Нужно, чтобы выглядело правдоподобно. Где взять подходящий объект? Допустим, потребуют внятных обоснований?.. А если представить Поручика Голицына? Вполне допустимый вариант. Он действительно в некотором роде конкурент, заслоняет продвижение по служебной лестнице…

«Но ведь человек-то вполне безобидный, – подала голос совесть. – И тебе нисколько не мешает. Тем более его скоро выгонят безо всякого колдовства».

«Так ведь никто Поручика Голицына на самом деле устранять не собирается, – возразил сам себе Павел. – Он просто нужен в качестве вещественной фигуры. Ведь не на редакционного вахтера дядю Ахмеда наезжать? Сразу раскусят. Да и не существует никакой нечистой силы. А он, Павел, если действительно нащупает нить, может сделать весьма недурственный материалец. Его заметят…»

– Есть подходящий человечек, – наконец произнес он.

– Кто такой? – полюбопытствовала Лилька.

– Поручик Голицын.

– Кто-кто?!

– Одного сотрудника нашей редакции так величают. Пьяница и бездарность. Вообще-то его зовут Скуратов Юрий Николаевич. Он тоже пишет на криминальные темы…

– И тебе его не жалко?

– Что значит «не жалко»? – внезапно рассердился Павел. – Не надо мне лапшу на уши вешать! Сама же утверждаешь: все это бред!

– А вдруг сработает?

– Как ты себе это представляешь?

– Ну, не знаю… – Лилька допила свое пиво и выразительно покрутила между пальцами пустой стакан. Разговор начал ей надоедать.

– А потом, деньги нужны, – продолжал развивать свою мысль Павел. – Как я понимаю, деньги немалые. А у меня их нет. В последний момент я просто откажусь, сославшись на отсутствие нужной суммы.

– Слабый аргумент. Ты же слышал поговорку бандитов: «вход – рупь, выход – два». Поставят на счетчик – и привет! Лучше не связывайся. Тебе что, тем мало?

– Вот, сама заинтриговала, а теперь в кусты.

– Я что… Хочешь, пожалуйста, познакомлю. Только чтобы потом боком не вышло.

– Успокойся. Все будет о’кей! – заверил Лильку обрадованный Павел.

– Ладно, под твою ответственность, – непонятно выразилась девушка. – Тогда так. К концу недели у нас ожидается новое поступление тряпок. Наверняка эта мадам появится. Вот я к ней и подкачу, вроде в гости желаю. Посетить, так сказать, с визитом. Сразу выкладывать, зачем и почему, естественно, не буду. И про тебя пока объявлять не стану. Устраивает?

– Нормально.

Через пару дней Лилька позвонила и назначила свидание в баре.

– Видела ее, – сразу же сообщила девушка. – Сказала: хочу к вам в гости, вроде как в шутку. Эта сучка обрадовалась, видать, действительно розовая. А может, острых ощущений жаждет. А я такая: разговор давешний помните?.. Про черную магию?.. Она такая: помню, конечно. Говорю: хочу потолковать на этот счет. Она такая: да очень просто. Охотно соглашается, заметь. Словно дело идет о чашке кофе со сливками. Туфта, по-моему…

– Сказала, что со мной придешь?

– Что я – дура?! Естественно, нет. Назначено рандеву на завтра. Как раз у меня выходной. Ожидают к вечеру, часов в шесть. Так что готовься к расходам.

– То есть?

– Не поедешь же с пустыми руками. Возьмешь коробку эклеров. Ну и живет она далече. Так что расход на тачку. Потянешь?

– Раз такое дело…

– Ну и отлично.

Обитала дама действительно далековато, в элитном поселке по Минскому шоссе. Таксист, урод, узнав, куда ехать, запросил втридорога, и Павел в который уж раз пожалел, что не имеет личного транспорта. Пока медленно двигались по Москве в густом потоке автомашин, Павел даже чуть вздремнул. Лилька сидела рядом с шофером и время от времени игриво взвизгивала: шофер непрерывно рассказывал анекдоты. В салоне, не мешая болтовне водилы, тихо играла музыка, было тепло и уютно. А за окном все та же слякоть, мокрый снег, который едва успевали соскребать «дворники».

Наконец вырвались на загородный простор. Машина понеслась с приличной скоростью, и сон с Павла почти тут же слетел. Он прислушался к трепу таксиста: анекдоты, которые тот травил, в большинстве с бородой, но попадались и незнакомые. Впрочем, Павел вновь отвлекся. Настроение почему-то было неважным. Скорее всего по причине некоторой неопределенности и двусмысленности ситуации. Журналистское расследование, так он для себя обозвал задуманное, больше походило на глупую шутку. Сейчас эта дамочка посмеется над наивной парочкой. Взбредет же в голову, что человека можно извести с помощью сил нефизического свойства! А может, Лилька с ней в сговоре, и они в два голоса будут издеваться над ним.

Лилькин мобильник вдруг зазвонил, и девушка как ни в чем не бывало сообщила, что уже подъезжает. И действительно, через пять минут машина остановилась подле могучих металлических ворот, способных противостоять натиску танка.

– Приехали, – сообщила Лилька. Павел расплатился, и настроение у него еще более ухудшилось. За отданную таксисту сумму он должен работать почти неделю. Ну, да ладно. Он подхватил пакет с эклерами и остановился перед калиткой. Лилька нажала кнопку вызова.

– Кто это с тобой? – послышалось из динамика домофона.

– Приятель, – как ни в чем не бывало отозвалась Лилька.

Павел заметил над воротами поблескивающий зрачок видеокамеры.

– Мы так не договаривались, – в металлическом голоске, шедшем из домофона, отсутствовали какие-либо интонации. – Ты должна была приехать одна.

– Боялась без сопровождающего, – нашлась Лилька.

– А он кто?

– Корреспондент. Работает в «Курьер-экспрессе».

– Журналист?! Еще не хватало! Зачем ты его притащила?

– Я уже сказала.

– И только? А тебе он кто?

– Бойфренд.

Павлу послышался сдержанный смешок.

– Ну, так как? – раздраженно спросила Лилька. – Вы нас не примете?

– Ладно уж… Заходите, коли приехали.

Калитка распахнулась. Они прошли на просторную площадку перед большим, вычурной архитектуры, домом, похожим на маленький замок, с башенками и стрельчатыми окнами. Высокое крыльцо и два окна первого этажа были ярко освещены. Где-то в доме залаяла собака.

Лилька поднялась по ступенькам крыльца и ударила металлическим кольцом во входную дверь. Та тотчас отворилась. На пороге стояла высокая женщина, а за ее спиной крупный мужчина. Оба внимательно разглядывали прибывших.

– А вот и мы, – игриво произнесла Лилька.

– Что ж. Прошу пожаловать.

Павел вошел и первым делом оглядел хозяйку. Перед ним была весьма привлекательная брюнетка лет тридцати-сорока, с бледным холеным лицом, облаченная в черный шелковый халат с вытканными бледно-розовыми и лиловыми ирисами. В первую минуту Павлу показалось, что они уже где-то встречались. Лицо дамы выглядело холодновато-приветливым. Мужчина, напротив, смотрел весьма настороженно.

– А позвольте-ка документики ваши, – неожиданно обратился он к Павлу. «Всюду холуи требуют документы, – насмешливо подумал журналист и протянул редакционное удостоверение. – Уж конечно, это не хозяин дома, а скорее всего охранник».

– Может, не нужно, Николай? – неуверенно произнесла женщина, но крупный внимательно изучил удостоверение, а потом остро взглянул в лицо Павла.

– Познакомьтесь, – все так же игриво произнесла Лилька и указала на хозяйку. – Светлана Петровна…

– Можно просто Света.

– А это… – Лилька назвала Павла полным именем. В эту секунду журналисту показалось: женщины как будто едва заметно перемигнулись.

– Вы уж извините за подобный прием, – принялась оправдываться Света. – Я ждала одну Лилю, а тут незнакомый мужчина… Живем мы, можно сказать, за городом, и, хотя поселок наш охраняется, народ вокруг бродит разный… Ты, Николай, пока свободен… И позови Ксюшу. Вы раздевайтесь и проходите.

– Это вам. – Павел потянул хозяйке коробку с эклерами. Та, не глядя, сунула ее Николаю.

Они вошли в огромный полутемный холл, который освещался лишь пламенем горящего камина. Хозяйка щелкнула выключателем. Под потолком вспыхнули матовые плафоны. Павел окинул взглядом помещение. Напротив камина стоял низкий массивный столик на мощных ножках в виде львиных лап, перед ним два кожаных кресла. В двух углах холла горки с дорогой посудой и фарфоровыми безделушками. На стенах картины в массивных рамах и пара крупных, поблескивающих старой позолотой икон. Висело здесь и несколько вычурных сабель и мечей, декорированных под старину, но, судя по дешевому блеску эфесов, изготовленных совсем недавно. На паркетном полу лежало несколько небольших ковров. Слева от камина высились темные рыцарские латы. Справа – телевизор с громадным экраном. Словом, холл обставлен в традиционном «новорусском» стиле.

– Садитесь. – Хозяйка указала на кресла, а сама устроилась на низком пуфике. – Так вот и живем, – сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Скукота. Разве что в гости кто забредет, вот как вы.

Вошла приятная полноватая женщина, вопросительно посмотрела на хозяйку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пашеко (правильно Пачеко) – персонаж романа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе».

2

Стрингер – независимый журналист, обычно работающий по заданию крупных информационных структур.

3

Кича (жарг.) – тюрьма.

4

«Битый фраер» (жарг.) – человек, близкий к блатному миру, но не вор.

5

«Баклан» – хулиган.

6

«Откинешься» – освободишься.

7

Delirium tremens (лат.) – дословно: «дрожательный бред» – белая горячка.

Купить: https://tellnovel.com/ateev_aleksey/demony-nochi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити